

КЭТ
РОЗЕНФИЛД

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

НИКТО НЕ БУДЕТ ПО НЕЙ СКУЧАТЬ

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON

18+

Кэт Розенфилд

Никто не будет по ней скучать

Серия «Новый мировой триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67973162

*Никто не будет по ней скучать: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148643-3*

Аннотация

Прекрасное октябрьское утро в не самом благополучном городе Коппер Фолз омрачено трагедией – местная свалка горит, городской изгой, Лиззи Уэллетт, мертва, а ее муж пропал. Расследование приводит детектива, Иэна Берда, из маленького городка в штате Мэн в шикарный городской особняк в нескольких часах езды. Адриенн Ричардс, блоггер и жена миллиардера, арендовала крошечный домик у озера для загородного отдыха... хотя Коппер Фолз совсем не курортный город.

Роман, в котором судьбы двух женщин оказываются переплетены друг с другом, а их отношения выходят за рамки всех границ: деловые, запутанные и, наконец, смертельные. По крайней мере для одной из них. И пока детектив ведет расследование, Лиззи Уэллетт рассказывает нам историю, какой она открывается с ее стороны.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 3	15
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	58
Глава 8	76
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Кэт Розенфилд Никто не будет по ней скучать

© Kat Rosenfield, 2021

© Яновская, А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Меня зовут Лиззи Уэллетт, и если вы это читаете, я уже мертва.

На том свете, усопшая, ушедшая. Новоиспеченный ангел в руках моего бога, если вы в такое верите, или же свежая грудa корма для червей, если нет.

Я не знаю во что верю я.

И не знаю, чему я удивляюсь.

Хоть это точно не было моим решением и таким способом уходить я не хотела. Сначала плакать, видя направленное на тебя оружие, а потом быть стертой, уничтоженной ломающим кости «БАХ». Раздробленные зубы, измельченный язык, горячее жаркое из крови и мозгов, вскипающее сквозь то, что было лицом.

Но как и многие вещи, которых я не хотела, это все равно случилось.

Самое смешное: некоторые скажут, что я это заслужила. Может быть не сразу и не так открыто. Но дайте им время. В один из дней, через месяц или два, у кого-то вырвется. В «Стренглере», в тот магический час, когда выпивка придаст смелости, перед тем как неоновая вывеска «Будвайзера» отключится на ночь и загорятся эти флуоресцентные лампы, смахивающие на взгляд смерти, чтобы бармен мог видеть, какой бардак посетители оставили после себя, и выте-

реть липкий пол. Один из постоянных посетителей проглотит остатки своего пятого, седьмого или семнадцатого пива, встанет на нетвердых ногах, подтянет свои растянутые штаны и скажет: «Я вобще не люблю плохо говорить о мертвых, но черт с ним – так ей и надо!»

А потом он отрыгнет и поплетется в туалет, чтобы расплескать плохо нацеленную мочу везде, только не в унитаз. И даже не взглянет в сторону раковины по дороге к выходу, хотя он целый день марал руки в пыли и грязи. Старик с пятнами на штанах, грязью под ногтями, топографической картой лопнувших капилляров, растянувшейся на его клубнично-красном круглом носу, может, даже с женой дома, носящей пожелтевший фингал под глазом недельной давности – с последнего раза, когда он ее поколотил, – ну конечно, он работяга. Герой своего городка. Бьющееся сердце Коппер Фолз.

А Лиззи Уэллетт, девушка, начавшая свою жизнь на свалке и закончившая в сосновой коробке, не дожив до тридцати? Я мусор, который этому городку нужно было вынести много лет назад.

Таково это место. Таким было всегда.

Поэтому вот так они будут говорить обо мне, когда пройдет достаточно времени. Когда они будут знать, что я остыла в земле или сожжена в пепел и рассеяна по ветру. Не важно, как ужасно и трагически я погибла, укоренившиеся привычки умиряют дольше. Люди не могут вечно смягчать свои

удары, особенно если речь идет об их любимой мишени, даже если она больше не двигается.

Но эта часть будет позже.

Сейчас люди будут немного добрее. Немного мягче. И немного осторожнее, потому что смерть пришла в Коппер Фолз, а со смертью приходят чужаки. Не пристало говорить правду, когда не знаешь, кто может услышать. Поэтому они будут сжимать руки, качать головами и говорить что-то вроде: «Эта бедная девочка была проблемной с рождения», и в их голосах будет звучать искреннее сожаление. Словно у меня был выбор. Словно я создавала проблемы еще из материнского лона, чтобы они подхватили меня, когда я выбралась наружу, окутанная липкой паутиной, и никогда не отпускали.

Словно люди, сейчас цокающие языками и вздыхающие над моей тяжелой жизнью, не могли уберечь меня от такого количества боли, если бы только уделили немного внимания, немного сострадания девочке со свалки.

Но они могут говорить что хотят. Я знаю правду, и в кои-то веки у меня нет поводов ее не рассказывать. Уже нет. Не с моего места – шесть футов под землей, где я наконец-то обрела покой. При жизни я не была святой, но смерть делает тебя честным. Поэтому вот мое послание из могилы, которое я хочу чтобы вы запомнили. Потому что оно будет важным. Потому что я не хочу лгать.

Они думали, что я это заслужила.

Они думали, мне лучше умереть.

И правда, которую я поняла в тот последний, ужасный момент перед тем, как с громким хлопком закончилась моя жизнь, такова:

Они были правы.

Часть 1

Глава 1

ОЗЕРО

Без пары минут в десять утра вторника дым с горящей свалки на Олд Лэдд-роуд начал двигаться на восток. К тому моменту свалка горела уже несколько часов. Пожар, отмеченный этой вонючей, черной и развевающейся колонной, видимой на мили вокруг, был неудержимым – но теперь колонна превратилась во фронт, толкаемый усиливающимся ветром. Дымчатые кончики ее ядовитых пальцев прокрались по дороге, просочились сквозь деревья к озеру и прибрежной полосе, и тогда шериф Деннис Райан отправил своего заместителя, Майлса Джонсона, эвакуировать дома. Конечно, ожидая, что они окажутся пустыми. День труда прошел месяц назад, а с ним и туристический сезон, каким бы он ни был. Ночи теперь были длиннее и холоднее, пропитанные обещанием ранних морозов. В прошлые выходные над домами виднелись милые завитушки дымка от маленьких костров, разжигаемых людьми, чтобы отогнать вечернюю про-

хладу.

На озере было тихо. Ни жужжания моторов, ни воплей детей. Ничего, кроме шуршания ветра, музыкального журчания воды под деревянными причалами и отдаленного крика одинокой гагары. В то утро заместитель шерифа постучался в шесть домов, пустых, запертых и со свободными от машин подъездными дорожками, пока подготовленная им речь о приказе к эвакуации не умерла за ненужностью. Оставалось только два дома, когда он подъехал к тринадцатому, рефлекторно закатив глаза при виде начертанного баллончиком имени на почтовом ящике. На мгновение он даже подумал, не пропустить ли этот, потому что пожар на свалке Эрла Уэллетта это хорошее начало, но будет замечательным концом, если его дочь удувится пеплом от него. Всего на мгновение, конечно – в этом он будет убеждать себя позже, топя день в бутылке «Джеймсона», напиваясь, чтобы притупить воспоминания об увиденных ужасах. На долю секунды. Всего лишь всплеск на ментальном радаре, и это уж точно не считается, бога ради. Случившееся с Лиззи произошло за несколько часов до того, как он даже узнал, что пройдет по этой прибрежной подъездной дорожке, а значит, это не могло быть его виной, сколько бы тоненький виноватый голосок у него в голове ни говорил об обратном. Когда он постучал, она уже была мертва.

Кроме того, он правда постучал. Он гордился своей работой и значком. Пропустить дом Уэллеттов было просто

мелочным импульсом, старой обидой, напоминавшей ему о своем существовании; он бы не поддался этому. И к тому же он понял, глядя на почтовый ящик, что нужно было еще подумать о Дуэйне. Лиззи могла быть в доме не одна – а может, ее вообще там не было. Пара часто сдавала дом в странное время. Если и был человек, склонный пренебречь правилами и позволить людям жить в доме не в сезон, просто чтобы выжать еще немного денег из года, это Лиззи Уэллетт. Возможно внутри городские с дорогими адвокатами, надышавшиеся ядовитыми парами, и теперь все они окажутся по уши в дерьме.

Поэтому он свернул на пустую дорожку у Лейксайт Драйв 13, вышел из машины, ступив на толстое одеяло сосновых иголок, источавших запах под его ногами. Он постучал в дверь, готовясь говорить привычные слова «пожар», «опасность» и «эвакуация», но резко отступил, когда от первого удара дверь распахнулась внутрь. Она была незаперта.

Сдавать дом чужакам не в сезон было похоже на Лиззи Уэллетт.

Но оставлять дверь открытой – нет.

Джонсон переступил порог, держа руку на бедре и отщелкивая предохранитель на оружии большим пальцем. Позже он говорил парням в «Стренглерс», что с самого момента, как вошел в дом, он почуял неладное – выдавая это за какое-то шестое чувство, но по правде говоря, любой из них понял бы. Воздух в доме был странным, не настолько пло-

хим, чтобы сбить тебя с ног, но затхлым и пронизанным слабymi, болезненными нотками чего-то, начинающего гнить. И это еще не все. Там была кровь: в дюймах от его ног простиралась дорожка густых круглых пятен на узловатом сосновом полу. Темно-красные, все еще блестящие капли огибали угол чугунной печи, рассеивались на кухонной столешнице и заканчивались пятном на краю металлической раковины.

Он подошел к ней, заинтригованный.

Это было его первой ошибкой.

Ему нужно было остановиться. Ему нужно было обдумать – что кровавый след, кончающийся в кухонной раковине, должен иметь начало, которое нужно исследовать прежде всего. Что он увидел более, чем достаточно, чтобы понять – что-то не так – и ему стоит сообщить об этом и подождать указаний. Что ему не стоит, ради всего святого, ни к чему прикасаться.

Но Майлса Джонсона всегда охватывало любопытство, вытесняющее осторожность на задний план. Большую часть жизни это было ему на руку. Восемнадцать лет назад, будучи новеньким в городе, он мгновенно заслужил уважение сверстников, протестировав древнюю, полную узлов тарзанку, висевшую в северной части лесов на озере Коппербрук, схватившись и прыгнув в пустоту без колебаний, пока остальные мальчики задержали дыхание в ожидании, что она порвется. Он как-то прополз под дом, чтобы отыскать

обосновавшуюся там семью опоссумов, а еще он подошел к древнему клерку на почте и спросил, почему у того не хватает глаза. Майлс Джонсон принимал любой вызов, исследовал любое темное место, и до того утра жизнь не давала ему причин этого не делать. Молодой полицейский, стоявший в то утро в домике на озере, был не просто любознательным авантюристом, но и оптимистом, поддерживаемым бессознательной уверенностью, что с ним ничего плохого не случится просто потому, что раньше не случилось.

А свежие капли крови, тот зловещий след на раковине представляли слишком завораживающую загадку, чтобы отступить от нее. Он двинулся вперед, обходя кровь на полу, не сводя глаз с беспорядка в раковине – потому что там был беспорядок, о, да, и след был мелочью в сравнении. Подойдя ближе, он увидел: это не просто кровь, но и мясо, разбрызганные куски, осколки и хрящи. Из темной дырки измельчителя мусора выглядывало что-то розовое, влажное и волокнистое, а пахло как у мясника. И когда Джонсон посмотрел на это, протянул к этому руку, он ощутил первое шевеление беспокойства в животе, почувствовал незнакомый шепот нового, странного голоса, говорящего: «Может, не стоит».

Но он это сделал.

Это было его второй ошибкой. Той, которую ему сложно было потом объяснить всем, от шерифа и группы криминалистов до своей жены, которая еще несколько недель не разрешала ему прикасаться к себе, как бы яростно он ни от-

тирал руки, – и той, которую позже он сам едва ли мог понять. Как он мог это объяснить? Что даже в те последние мгновения, когда он вытащил ту штуку из раковины, он все еще просто следовал инстинкту исследователя, всегда хорошо служившему ему. Что ему было интересно и он был уверен, что ничего плохого не случится.

Ведь никогда не случалось.

Мясистая розовая штука в раковине влажно блестела. В дальнем конце дома, в спальне рой мух ненадолго взлетел, потревоженный невидимой силой, а затем снова уселся, возвращаясь к делу – на покрывало, влажное и запятнанное красным, наброшенное на неподвижный объект на полу. Слабый запах разложения в воздухе стал на полградуса насыщеннее. И за пару минут до одиннадцати в то утро вторника, когда дым от горящей свалки начал просачиваться между домами в самой западной бухте озера Коппербрук, заместитель шерифа Майлс Джонсон засунул два пальца в измельчитель мусора и вытащил остатки носа Лиззи Уэллетт.

Глава 3

ОЗЕРО

Леса, окружающие озеро Коппербрук, когда-то были территорией лесопилки, резко закрывшейся тридцать лет назад после банкротства компании. Остались лишь осевшие скелеты старых хижин, забытые пилы – поржавевшие и поглощенные кустами черники или густыми скоплениями бальзамина. Поляны, где хранилась срубленная древесина, понемногу отбирал обратно лес, разбросанные островки кустарника и ростков раскинулись у разрытых дорог, ведущих в никуда.

Иэн Берд был неместным. Он дважды неправильно свернул на этих дорогах, прежде чем нашел съезд к набережной. Он съехал с дороги у почтового ящика, втиснувшись за фургоном группы криминалистов. Как и его, их вызвала полиция штата – как можно скорее, хоть они уже проболтались, что местные копы уже точно потоптались по всему месту преступления, портя его, засовывая свои руки без перчаток куда не следует.

Нос в измельчителе мусора. Господи Иисусе! Берд застонал вслух, подумав об этом. Это худшая ошибка, но нельзя было не посочувствовать парню, вытащившему его. Да еще и голыми руками.

Эта маленькая сочная деталь – отрубленный нос в раковине – дошла до него по радио, пока Берд был еще в пути. А это значит, что какой-то проныра, вероятно, уже раструбил об этом по всему округу. Не то чтобы это имело значение. В таком месте и с таким делом детали всегда просачивались. Берд никогда не был в Коппербрук Фолз, но он провел достаточно времени в таких городках и знал, как это работало. Городским полицейским приходилось отбиваться от голодной прессы, чтобы удержать информацию; здесь же ты сталкивался с чем-то намного более примитивным. Люди, живущие в таких местах, будто на молекулярном уровне были замешаны в делах друг друга, делились тайнами через какое-то коллективное сознание, передавали их прямо через синапсы, как дроны, подключенные к одному гнезду. И чем сочнее новости, тем быстрее они разносились. Эта история разлетелась вдоль набережной и из одного конца городка в другой еще до того, как Берд в первый раз ошибся с поворотом.

Но, может, это неплохо. Чем больше разнесутся ужасающие подробности убийства Лиззи Уэллетт, тем сложнее мужу будет спрятаться. Даже друзья и родственники подумают дважды, прежде чем укрыть парня, отрезавшего нос своей жене... если это сделал он, конечно. Пока было слишком рано, и нужно было исследовать все возможные варианты, но у дела были все признаки домашнего скандала – чего-то глубоко, жутко личного. Недостающие кусочки пазла говорили о том же: отсутствие признаков взлома или пропажи че-

го-то ценного. И конечно, дело было в изуродованном лице женщины. Берду однажды довелось видеть подобное варварство, только в тот раз было два тела: убийство с самоубийством, муж с женой бок о бок. Мужчина зарубил ее топором, оставив пулю себе. Такой конец был лучше, чем он заслуживал, а место преступления было раздражающим хаосом для криминалистов. Они неделями опрашивали друзей, родных и соседей, пытаясь выяснить причину. Все говорили только, что они казались счастливыми или достаточно счастливыми.

Берд задумался, казались ли Лиззи Уэллетт и Дуэйн Кливс достаточно счастливыми.

Если им повезет, они поймают Кливса вовремя, чтобы спросить его об этом.

Берд допил остатки кофе, отставив стаканчик на приборную панель, и вышел из машины. Ветер сменил направление, теперь неся дым от горящей свалки на север над озером, но остатки едкой вони еще висели в воздухе. Он не спеша прошел по подъездной дорожке, оглядываясь – дом, приютившийся между соснами, появляющийся за последним изгибом дороги. За ним блестело озеро, подернутое рябью от ветра. Помимо шелеста деревьев слышался тихий плеск волн, ударяющих о сторону причала. Звук легко разносился по округе. В тихую ночь крик можно было бы услышать с другой стороны озера, если кто-то слушал бы. Но прошлой ночью каждый дом в зоне слышимости пустовал. Никаких свидетелей. Что делало убийцу либо очень везучим, либо... очень

местным.

Берд знал, на какой из двух вариантов поставил бы деньги.

Слегка позеленевший Майлс Джонсон ждал у двери. При виде удостоверения Берда он отступил в сторону и указал по коридору туда, где полдюжины людей толпились на пороге спальни. Берд узнал местных полицейских по их обеспокоенным взглядам – это было им не по зубам, но они все еще не рады были видеть незнакомца среди них.

Останки Лиззи Уэллетт лежали на полу возле кровати. Один из криминалистов подвинулся, когда Берд заглянул в дверной проем, открывая ему вид на труп. Выступающая бедренная кость с туго натянутым красным низом купальника, обнаженное плечо, где футболка съехала в сторону, слипшиеся от крови волосы. Много крови – он видел брызги на ее коже и расплзающееся по ковру пятно под ней. Мухи жужжали, но червей не было. Пока что. Она здесь не так давно.

Берд оглядел пространство возле кровати, отмечая скомканное покрывало на полу. Снова кровь. Покрывало запятнано, но не пропитано насквозь.

– Она была под ним, – сказал кто-то, и Берд повернулся к молодому заместителю шерифа, пропустившему его в дом, – теперь тот стоял позади него, почти задевая широкими плечами стены узкого коридора. Он вертел в руках кухонное полотенце, сжимая его так сильно, что белели костяшки.

Парень с носом.

– Значит, вы нашли тело?

– Ага. Ну, я не знал, когда поднимал покрывало, я думал, вдруг она, знаете, еще жива или...

– Жива, – сказал Берд. – Это было после того, как вы нашли ее нос в раковине? Он все еще там?

Джонсон покачал головой, когда одна из криминалистов вышла из спальни, по пути указывая дальше по коридору.

– Он его уронил, – сказала она. – Мы его упаковали. Ничего особенного.

Берд снова повернулся к Джонсону.

– Ладно. Ничего. Расскажите, что вы видели.

– Я пошел за кровью, – поморщился Джонсон. – Из кухни был след, после того как я нашел... вы поняли. И я увидел покрывало, еще больше крови. Я видел, что под ним кто-то есть. Я стащил его. Увидел ее. И все. Я не пытался – то есть когда я ее увидел, я понял, что она мертва.

Берд кивнул:

– Значит, он накрыл ее, прежде чем уйти.

– Он? Вы имеете в виду... – Джонсон яростно покачал головой, сжимая полотенце. – Нет. Дуэйн бы не стал...

– Да? – Берд прищурился, услышав, как полицейский назвал мужа по имени. – И где же тогда Дуэйн? Вы пытались ему писать? Он ответил?

Берд ощутил небольшой прилив удовлетворения, когда Джонсон покраснел. Часть с сообщениями была просто догадкой, но, очевидно, хорошей. Джонсон и муж погибшей не просто называли друг друга по имени; они были друзьями.

Шериф Райан слушал этот разговор, прислонившись к стене; теперь он шагнул вперед и положил руку на плечо Джонсона.

– Эй, это маленький городок. Мы все знаем Дуэйна, некоторые – очень давно. Но никто не пытается вам помешать. Мы хотим одного и того же, и мои люди помогут вам чем смогут. Мы уже отправили машину к их с Лиззи дому в городе. Там никого нет. У них была одна машина, «Джип Чероки», ее здесь нет, поэтому я полагаю, что где бы Дуэйн ни был, она у него. Мы отправили описание. Если он в дороге, его рано или поздно заметят.

Берд кивнул в ответ:

– Если они жили в городе, тогда это дом для отдыха?

– Эрл – отец Лиззи – это его дом. Был. Я думаю, Лиззи забрала его себе, освежила и начала сдавать. В основном людям издалека. – Шериф замолчал, переступил с ноги на ногу, хмурясь. – Это не понравилось некоторым владельцам.

– А это что значит?

– У нас здесь тесная община. Большинство жителей с домами на Коппербрук любят все делать по знакомству. Родственники, друзья родственников. Люди, связанные с местными. Девчонка Уэллетт выставила это место на каком-то веб-сайте, чтобы его мог снять кто угодно. Как я уже сказал, это не всем понравилось. У нас были проблемы, некоторые соседи расстроились.

Берд вскинул брови, наклоняя голову в сторону спальни,

крови, тела.

– Насколько расстроились?

Шериф уловил его тон и напрягся:

– Не так, как вы подумали. Я говорю, что мы не знаем тех, кто здесь оставался или чем они промышляли. Вам нужно будет это проверить.

Повисло долгое молчание, пока мужчины сверлили друг друга взглядами. Берд первый отвел глаза, проверяя свой телефон. Когда он снова заговорил, его тон смягчился:

– Я проверю все, имеющее к этому отношение, шериф. Вы упомянули отца жертвы. Он живет в городе?

– На свалке. У него там трейлер, точнее, был там. Господи, даже представить не могу... – Шериф покачал головой, а Майлс Джонсон уставился на свои руки, все закручивая полотенце. Берд подумал, что оно скоро порвется пополам.

– Пожар, – сказал он. – Это дом отца? Нехилое совпадение.

– Поэтому я был здесь. Ветер поднялся, я приехал, чтобы сказать всем эвакуироваться, – кивнул Джонсон. – Но дверь...

– Берд? – Криминалист высунулся из спальни, маня его пальцем в перчатке. Берд кивнул, призвав таким же жестом Джонсона.

– Пойдемте посмотрим. Пройдемся по порядку.

Мгновение спустя он стоял возле трупа, читая вслух предварительные записи, которые кто-то передал ему для озна-

комления.

– Элизабет Уэллетт, двадцать восемь лет... – он перевел взгляд с блокнота на тело, хмурясь. Имя было написано аккуратным почерком, но лицо было изуродовано до неузнаваемости. Женщина лежала на боку с полуприкрытыми тусклыми глазами под слипшимися от крови прядями рыжеватых волос. Только они и выглядели нетронутыми, все остальное было раздроблено раной, которую парни с работы иногда называли «вишневым пирогом». Отсутствующий нос был лишь малой частью проблемы. Кто бы ни убил Лиззи Уэллетт, он подсунул дуло чего-то большого ей под подбородок – может, ружья, которое было объявлено украденным из дома, где она жила с Дуэйном Кливсом, и нажал на курок. Пуля снесла ей челюсть, уничтожая зубы и раздирая целостность черепа, прежде чем выйти сквозь макушку. Из месива проглядывал единственный зуб, невероятно белоснежный и совершенно нетронутый.

Берд поморщился, отводя взгляд и концентрируясь на комнате вокруг. На стене красовались брызги осколков кости и мозгов, но его все равно поразил вид этого места. Кто-то – по его предположениям, мертвая женщина, лежащая рядом, – позаботился о декоре. На полу у кровати лежал изношенный, но стильный восточный ковер такого же приглушенного голубого оттенка, как и шторы, обрамляющие панорамное окно, и покрывало, теперь запятнанное кровью. Пара симпатичных настольных ламп, медных или вроде того,

на сочетающихся прикроватных тумбочках. Стопка старых книг, искусно выложенная на комод. Дома у озера часто становились складом несочетающейся мебели, старых охотничьих трофеев, сувенирных подушек, украшенных фразами вроде «Ушел рыбачить», – семья Берда когда-то арендовала место у границы, где олени головы торчали чуть ли ни на каждой вертикальной поверхности. Но это место будто сошло со страниц журнала. Ему нужно будет определить, на каком веб-сайте Лиззи Уэллетт его выставила, но даже сейчас он мог представить, каким заманчивым этот дом мог показаться городским людям, ищущим, куда сбежать в отпуске.

Он повернулся, склонился над телом. «Вишневый пирог», снова подумал он. Кошелек, кредитные карты и водительские права женщины были обнаружены в сумке на комод, но лицо было проблемой. И вопросом. Он оглядел комнату, от криминалистов до шерифа с Джонсоном, которые теперь тихо перешептывались с двумя другими мужчинами помоложе, наверное, также из местной полиции.

– Кто опознал жертву? – спросил Берд, и в тот момент атмосфера в комнате претерпела внезапную, почти незаметную перемену. Тишина, заполненная неудобным ерзаньем, быстрый обмен взглядами от одного к другому. Молчание слишком затянулось, поэтому он раздраженно встал.

– Джонсон? Шериф? Кто опознал жертву? – повторил он.

– Это было, эм, вроде как коллективное усилие, – сказал светловолосый мужчина, которого Берд не знал. Джон-

сон усталился в пол, кусая губу.

– Коллективное усилие, – недоуменно произнес Берд, и снова воцарилось молчание, снова начался обмен взглядами, прежде чем Джонсон выступил вперед и указал пальцем на тело.

– Вот, – сказал он. Берд проследил за пальцем и увидел. Сначала он упустил это, отвлекшись на кровь и темные, жирные тела жужжащих мух. Футболка мертвой женщины скомкалась, поднявшись к шее, и на внутреннем изгибе бледной груди была темная выпуклость размером с муху, но твердая. И неподвижная. Мухи поднимались парящим облаком; пятно оставалось на месте. Он прищурился.

– Это родинка?

– Да, сэр, – сказал Джонсон. – Отличительный признак. Это несомненно Лиззи Уэллетт.

Берд моргнул и нахмурился, ему не нравилось ощущение, что он что-то упустил, и еще меньше ему нравилась атмосфера в комнате.

– Вы уверены в этом, – спросил он и заметил, что не только Джонсон кивает. Он посмотрел на остальных мужчин. – Все? Вы все знаете, как выглядит грудь Элизабет Уэллетт?

Джонсон кашлянул и покраснел:

– Все знают, сэр.

– Откуда?

Вопрос повис в воздухе, и Берд понял: мужчины пытались сдержать смешки. Каким-то образом смех был инстинктом

даже в тот момент. Он видел это, видел, как они чуть не дрожат от усилия, сдерживая его.

«Никто не хочет это говорить», – подумал он.

Невероятно, но кто-то это сделал. Светловолосый полицейский, немного скривив рот – не совсем улыбаясь, никто не смог бы его в этом обвинить, – посмотрел Берду в глаза и ответил.

– Как ты думаешь, мужик.

Это не был вопрос.

Берд вздохнул и принялся за работу.

Глава 4

ГОРОД

Было почти десять, солнечный свет лился сквозь стену окон, выходящих на юг, когда пара в доме за несколько миллионов долларов на Перл-стрит наконец-то начала шевелиться. Она проснулась первой и мгновенно, что было необычно. Всю свою жизнь Адриенн Ричардс вставала с трудом, борясь со сном долгой чередой пинков, стонов и фальстартов. Теперь женщина, укутанная в огромной кровати, проснулась, лишь один раз моргнув. Глаза закрыты. Глаза открыты. Как Джульетта, просыпающаяся в своей могиле, — только вместо глыбы мрамора у нее простыни из египетского хлопка с минимальной плотностью в 1200 нитей.

Я помню, где я быть должна,

И вот я здесь.

Где мой Ромео?

Она могла бы перекатиться, чтобы увидеть его, но ей это не было нужно; она чувствовала его рядом, слышала медленное, ровное дыхание, значившее, что он не проснется еще час, если только она его не встряхнет. Это только одна из

многих вещей, которые она знала инстинктивно после почти десяти лет брака. Она знала звучание и тональности его дыхания лучше своего.

Ей, конечно, придется его разбудить. В конечном счете. Они не могли проспать весь день. У них были дела.

Я помню, где я быть должна.

Она помнила.

Она все помнила.

Было столько крови.

Но несколько долгих минут она лежала неподвижно, позволив своему взору блуждать по комнате. Было не так сложно оставаться на месте; кот, большой серый мальчик с зелеными глазами и шелковистой шерстью, ночью примостился возле нее, грел и мурлыкал, а подушка под ее щекой была мягкой и чистой. Комната была выкрашена в чудесный темно-синий – у Адриенн был этап увлечения цветотерапией, и этот должен был способствовать благополучию, хорошему сну и сексу, и к тому же шторы были задернуты, поэтому даже теперь, в последний час перед тем, как утро уступит место полдню, в комнате царил приятный полумрак. Платье, которое она надевала вчера, лежало там, где она расстегнула и вышла из него, уронив на пол – глупая ошибка, его, наверное, придется отнести в химчистку, но помимо этого комната была идеальной. Простой. Как из журнала. Личные штрихи ограничивались полкой неподалеку: медная фигурка балерины, пара сапфировых сережек, оставленных на блюде,

и обрамленный снимок новоиспеченных мистера и миссис Ричардс в день их свадьбы. Воспоминание из более счастливых времен. Адриенн была светловолосой, худой и улыбалась в белом шелковом платье; Итан был высоким, широкоплечим и уже щеголял короткой стрижкой, маскирующей отступающую линию роста волос. В день их свадьбы ему было тридцать четыре, он был на двенадцать лет старше нее; у нее это первый брак, у него – второй.

Не то чтобы это можно понять по фотографии, подумала она. Они оба сияли от счастья, в восторге от новизны всего этого. Новобрачные в начале приключения длиной в жизнь, вместе навсегда.

Она завидовала им. Молодая пара на фотографии понятия не имела, во что ввязалась. Их ждал невообразимый ужас, хотя ей не нужно было его воображать. Это случилось и за несколько часов, что она проспала, выжглось в ее памяти во всех кошмарных, отчетливых подробностях. Прошлой ночью... по ее предположениям, она была в шоке, как и он, пока они проделывали долгий путь домой. Они сидели в потрясенной тишине, когда все исчезало в зеркале заднего вида: город. Озеро. Дом и все в нем.

Тела.

Кровь.

Было столько крови.

Но пока указатели проносились мимо в темноте, а события вечера оставались позади, легко было притвориться,

что это все просто какой-то ночной кошмар. Она повернула «Мерседес» на аллею за домом и могла думать только о том, что они почти на месте. Она сжимала ключи до побеления костяшек всю дорогу до двери, сжав губы в тонкую линию, пока ее муж мрачно стоял рядом. Они, должно быть, заговорили в какой-то момент, только чтобы согласиться, что дальнейшее обсуждение лучше оставить на следующее утро, но она помнила только тишину. Вдвоем они осторожно прошли по темному коридору, пробравшись в спальню и не утруждаясь включить свет. Она сбросила туфли, расстегнула платье, уронила его и забралась в кровать. Последнее, что она помнила, было, как она смотрела в темноту и думала, что никогда не заснет, попросту не сможет.

Но она заснула.

Кот смерил ее укоризненным взглядом, когда она подвинулась и выскользнула из-под одеяла, мягко спыгнув на пол. Возле нее зашевелился муж. Она замерла.

– Ты проснулся, – прошептала она. Мягко. Проверяя.

Его веки вздрогнули, но не открылись.

Она оставила его спать, вышла из комнаты, прикрывая голую грудь руками, и пошла за котом по коридору в сторону кухни. Она вздрогнула из-за солнечного света, льющегося сквозь стену окон. Отсюда открывался чудесный вид на район, но боже, как же ярко. Все это стекло, мили окон, каменные фасады домов по ту сторону улицы горели отражением света. Это ослепляло. Над узкими улочками простира-

лось голубое безоблачное небо.

Кот вертелся у ее ног, мяукая.

– Ладно, дружок, – мягко сказала она. – Давай найдем тебе завтрак.

Она попивала кофе у стойки, облаченная в свитер, и печатала на компьютере, когда ее муж появился в конце коридора. Она слышала, как он встал с кровати двадцатью минутами ранее, но дверь оставалась закрытой; вместо этого была короткая тишина, сопровождаемая звуком текущей воды. Сначала это ее ошарашило. Встал и пошел в душ, словно это обыкновенное утро. Словно их не ждали сложные разговоры. Но потом удивление сменилось облегчением. Мужчина в подобных обстоятельствах мог вытворять вещи похуже, чем придерживаться своего распорядка дня. Это значило, что он справляется.

Он остановился на том же месте, где она, оглядывая открывающийся из окон вид. Он побрился и надел старый университетский свитшот. На его лице было несколько кусочков туалетной бумаги; один отклеился, пока она смотрела, упав на истрепанный воротник. Время братья за дело.

– Привет.

Он медленно повернулся на звук ее голоса. У него были красные глаза – от нехватки сна, подумала она. Понадеялась. Конечно, он не плакал. Она присмотрелась к нему, но выражение его лица было непроницаемым.

– Иди сюда. Там есть кофе.

Она указала накрашенным ногтем на шкафчик у раковины. Он открыл его, будто в трансе, достал чашку, сел рядом с ней.

– Я облажался. Порезался, – сказал он хрипло. – Теперь будет кровоточить весь день.

– Ничего, – сказала она. – Ты все равно не будешь сегодня выходить из дома. Не будешь показываться. Я не знаю, сколько у нас времени. Я назначила несколько встреч, и мне нужно уехать в течение часа, посмотреть, как быстро мы сможем все уладить. Хорошо?

Он поставил чашку.

– Что происходит?

– Они ее нашли.

С его лица схлынули все краски.

– А его?

Она покачала головой, подаваясь вперед, чтобы зачитать вслух.

– Мы просим помощи у общественности в определении местоположения мужа Уэллетт, Дуэйна Кливса, – сказала она. – Если у вас есть какая-либо информация, бла-бла-бла. Есть номер, по которому надо позвонить. И все.

– Черт. Как? Как они могли даже...

– Пожар на свалке, – спокойно сказала она. – Сегодня утром поднялся ветер. Должно быть, они собирались всех эвакуировать. Но все будет нормально...

Он не слушал. Он покачал головой, стуча открытой ладо-

нюю по столешнице.

– Черт. Черт-черт-черт. Твою мать, ну зачем тебе было...

Он поднял взгляд, увидел выражение ее лица и решил не заканчивать предложение.

– Все будет нормально. Ты понимаешь? Все будет нормально. Все нормально. Они мыслят в правильном направлении. Дуэйн Кливс убил свою жену, а теперь пустился в бега.

Повисло долгое молчание.

– Они его найдут, – наконец сказал он.

– В конце концов, – кивнула она. – Возможно. Но кто знает, когда. Ты видел, что я сделала. Может пройти немало времени.

– И что мы будем делать?

– Мы? Ничего. Оставайся здесь. Не высовывайся. Я добуду денег, а потом мы придумаем план. Настоящий план. Нам пока везло, но я хочу подойти к этому с умом, даже если на это уйдет несколько дней. Все в порядке. Нам не нужно бежать, нас никто не преследует.

В тот момент он ее ненавидел. Она чувствовала, как это исходит от него волнами, видела напряжение, пульсирующее в его челюсти, когда он сжимал зубы. Он всегда ненавидел, когда она говорила этим тоном, который отчетливо давал понять, что она считала себя самой умной в их паре. Ну и хрен с ним, подумала она. Она умна. Всегда такой была и всегда это знала, пусть даже люди вроде ее мужа не хотели этого

признавать. И если ей нужно было вывести его из себя, чтобы напомнить, что стоит на кону и кто из них главный... что ж, она предпочитала его ранимую злость другим альтернативам. Это затравленное выражение лица с красными глазами, когда он только вышел из спальни, и как он посмотрел в окна, словно не знал, кто он и где, – нет, это ей совсем не понравилось. Если он не сможет держать себя в руках, им обоим конец.

– Что, если объявится полиция? – сказал он.

– И с чего вдруг?

– Не знаю, – пожал он плечами, опустив взгляд. – «Мерседес»? Люди запомнили его, если видели. Номера другого штата, не в сезон, огромная роскошная машина – это как бельмо на глазу. Особенно после того дерьма в супермаркете в прошлом году. Ты со своим дурацким йогуртом... Они вспомнят, полиция придет задавать вопросы и...

– Тогда мы скажем им, что им нужно знать, – оборвала она, гневно глядя на него. – Я скажу им. Посмотри на меня. Посмотри на меня. – Он послушался. Несколько долгих секунд он смотрел ей в глаза. Она накрыла его руку ладонью и заговорила с яркой убежденностью: – Мы так близко к финишу. Просто дай мне это уладить.

Наконец он кивнул. Он поверил ей; она видела это в его лице. Но потерянный взгляд – это тоже было. Она вздохнула.

– Скажи это. Мы не можем играть в эту игру, не теперь. Скажи, что ты недоговариваешь.

Он заглянул в свою чашку с кофе. Он едва отпил его, а теперь напиток остыл.

– Просто... – Он замолчал, расправил плечи. – Они все поймут. Что мы сделали.

Она яростно замотала головой.

– Не поймут.

Он вздохнул, вертя кольцо на пальце. Присущая ему нервная привычка. При виде этого у нее заныло сердце, но ей нужно было оставаться твердой.

– Послушай меня, – сказала она. – Лиззи и Дуэйн мертвы. Все кончено. Мы ничего не можем сделать. Но мы живы. У нас есть будущее. И мы есть друг у друга. Верно? Ты должен мне довериться.

Он опустил плечи, и она тоже – от облегчения. Он сдавался ей, как обычно, она знала, что так будет всегда. Но его взгляд оставался потерянным, а когда он снова заговорил, она чуть не закричала.

– Я не могу перестать думать о том... – сказал он, но она наклонилась вперед, хватая его за плечи, не выдерживая этого.

– Не надо.

Но он ничего не мог с собой поделать. Он не мог этого сдержать. Слова вырвались шепотом, и воздух в доме стал тяжелым от страха.

– Как она на меня посмотрела.

Глава 5

ЛИЗЗИ

К вашему сведению, я никогда не спала с тем парнем.

Вы знаете, о ком я. Тот, что просто не смог устоять, стоя над окровавленным, изуродованным трупом женщины, чтобы не поглумиться хорошенько с его друзьями над тем, как они все видели ее сиськи. Эти парни из Коппер Фолз – сплошное изыщество. Правда. Особенно та реплика. Идеальное сочетание грубости и сдержанности. Помните ее, не так ли?

Как ты думаешь, мужик.

Господи мать его Иисусе.

Вы, наверное, думали, я пошутила. Или преувеличила, ввела в заблуждение, просто драматизировала. Ничего, я все это уже слышала. *Она придумывает. Она просто хочет привлечь внимание. Все знают, что эта девчонка Уэллетт просто мешок лживого мусора.* Мы, конечно, говорим о хороших, исправно посещающих церковь людях. Работягах из Новой Англии. Сложно поверить в такую непринужденную жестокость, если не видел ее своими глазами.

Но теперь вы видели. Теперь вы знаете. Посетите Коппер Фолз! Где воздух чистый, пиво дешевое, а местные полицей-

ские заклеивают девушку шлюхой на месте ее убийства.

Его зовут Адам Райнс. Блондина с кривой почти-улыбочкой, мистера «как ты думаешь». И несмотря на то, что он пытался всем внушить, я никогда с ним не спала. Я никогда не спала ни с кем из них, кроме Дуэйна, и это было другое дело, да и позже. Намного позже. Это было через добрых пять лет с того дня ранним летом, когда я лопатками упиралась о влажную заплесневелую черепицу охотничьего домика, а в ушах звенели насмешки шестерых уродливых мальчиков.

Как ты думаешь, чтоб меня.

А я вам расскажу. Или вы можете даже догадаться. Для этого не требуется много воображения. Вот как: представьте, что вам тринадцать лет. В вас чуть больше сорока килограмм веса, и вы еще не женщина, но уже и не маленькая девочка. Представьте свое тело, долговязые руки, ноги с острыми коленками, никогда не выглядящие нормально, как бы вы их ни ставили, и волосы – рыжий бардак, всегда обвисший и грязный, с неровными концами, подстриженными вами же тупыми ножницами. Представьте вашу наивность: мать давно умерла, а отец просто не знает, не понимает, что тринадцатилетняя девочка уже достаточно взрослая, чтобы ей понадобились лифчик, коробка прокладок и разговор о значении всего этого. Он не видит, как вы растете.

Но все остальные видят. Они видят, что происходит с вашим телом. Видят это даже раньше вас.

Представьте.

Они догнали меня, когда я ехала домой на велосипеде в последний учебный день, мне нужно было преодолеть три пыльные мили, но рюкзак был таким тяжелым, что мне приходилось слезать и идти пешком каждый раз, когда дорога шла в гору. Их было шестеро. Не все они были старше, но все были больше. Я бросила велосипед на дороге, переднее колесо завертелось в воздухе. Я побежала в лес и попыталась скрыться среди деревьев, но они меня поймали. Конечно же они меня поймали. После этого я посчитала везением, что они всего лишь стащили с меня футболку.

У меня всегда была эта родинка. Ее нельзя было не заметить, такую выпуклую и темную на фоне моей кожи. Я знала, что она уродливая – даже тогда, и я тщательно скрывала ее от других девочек во время переодевания после физкультуры, но в тот день я никак не могла ее спрятать, будучи прижатой к разваливающейся хибаре, угнездившейся в лесу в ста ярдах от дороги, с руками, разведенными в сторону, и мальчиками, прижимающими меня за плечи. Я даже не видела ничего за краем футболки, туго натянутой мне на лицо, мокрой от пота и слюны. Под ней я ничего не носила, и один из них ткнул пальцем в темное пятно под моей грудью, достаточно сильно, чтобы оставить синяк, издав звук отворачивания, когда он это сделал.

Они все ее видели. И те, что не видели, вроде Адама Райнса, слышали о ней. Это была своего рода местная легенда, моя родинка, разросшаяся в пересказах как огромный дои-

сторический карп, который предположительно живет в самой глубине озера Коппербрук. Я до сих пор помню первый раз с Дуэйном, когда я сняла платье и встала обнаженной перед ним, как он хотел, позволяя оглядеть меня. Он посмотрел на темное пятно и сказал: «Я думал, она будет больше». «Я тоже так насчет кое-чего думала», – сказала я, что показалось мне довольно неплохой шуткой, но Дуэйн не засмеялся. Дуэйн никогда не смеялся над моими шутками. Некоторые люди считали меня смешной, но не Дуэйн Кливс. Мой муж был похож на большинство мужчин. Всегда громко заявлял, что обожал юмор, но чувства юмора у него не было в помине. Все, кроме самых тупых шуток, ускользало от него, и больше всего ему нравилось смеяться над кем-то. Он обожал, и я серьезно – *обожал*, эти шоу по радио с шуточными звонками, где ведущие распалили кого-нибудь выдуманной историей, растягивая ее, пока человек расстраивался все больше, и признавались, только когда бедняга слетал с катушек. Господи, как же мне всегда было жаль этих людей. Не то чтобы я была девушкой, к которой кто-либо обратился бы за советами насчет брака, но можно я вам просто скажу: если что-то из этого похоже на вашего мужчину, не выходите за него. Не надо. Потому что он идиот и, вероятно, чертовски грубый.

Не сказать, что я была достаточно умной, чтобы последовать своему же совету. Но у меня и вариантов не было. Парни не ломались в отцовский трейлер, чтобы сходить со мной на

свидание и подарить мне кольцо. Дуэйн никогда не признался бы, что мы вместе, если бы не события того лета после выпускного, и исходящие от него волны стыда были ощутимы – это ползущее, извивающееся унижение, такое мощное, что всем становится стыдно за тебя. Оно густо заполняло воздух в день нашей свадьбы. Люди смотрели себе под ноги и морщились, когда он сказал: «Согласен», словно он только что обосрался на публике. Таково быть Уэллетт в Коппер Фолз: всем стыдно даже находиться рядом с тобой. Как с теми бедными слугами в Индии. Неприкасаемыми.

Конечно, неприкасаемость не значит, что я непригодна для секса, и именно поэтому вся эта чертова история заканчивается именно так.

Полиция ничего из этого не услышит. Мужчины, которые придут собирать улики и задавать вопросы, получат только половину правды – или наглую ложь от людей вроде Адама Райнса, а я не оставила после себя дневника, чтобы внести ясность. Может, стоило. Может, люди теперь бы действительно меня послушали как никогда при жизни. Может, они бы даже поняли.

Я бы не начала с начала. Я даже не помню начала. Некоторые говорят, что у них есть отчетливые воспоминания с самого раннего детства, яркие кусочки их жизней в возрасте двух, трех или пяти лет. У меня в памяти все размыто. Частично потому, что ничего никогда не менялось: трейлер, свалка, лес за ними. Отец, спящий в дерьмовом кресле пе-

ред старым телевизором с длинной двойной антенной. Кислый запах вчерашнего пролитого пива. День за неделей за годом одно и то же. Единственный способ различить воспоминания «до» и «после» это редкое присутствие моей матери на фоне. Я больше не помню ее лица, но есть ее силуэт. Рыжеватые волосы, которые начали тускнеть до каштанового. И ее голос, резкий и мрачный, как сигареты, которые она всегда курила – хотя я не помню, чтобы видела это сама. Может, она никогда не курила передо мной. Или, может, я просто забыла. Но я помню, как мой отец пробил дыру в стене трейлера в ночь, когда моя мать вылетела на окружную дорогу, соединяющую Коппер Фолз и Гринвилл, разогнавшись так, что машина перелетела через ограждение и свалилась в кустарник. Она умерла при столкновении. Она ехала слишком быстро. Была обдолбанной. Отец никогда мне об этом не рассказывал, но все дети в школе знали, и они были как раз в том возрасте, чтобы причинить этим боль. Это был захватывающий день в центральной школе Фолз, когда кто-то в пятом классе мисс Лайтбоди понял, что мое имя, Элизабет, рифмуется с «кристаллический мет».

Я помню двух полицейских штата, стоящих на откидных ступеньках снаружи, один за другим, и прижимающих к груди свои шляпы. Наверное, их учат в академии никогда не сообщать плохих новостей, не сняв шляпы. Мне интересно, снимет ли шериф Райан свою шляпу, когда сообщит моему папе, что я умерла.

Может, я все-таки не хочу рассказывать эту часть.

И я не хочу, чтобы вы подумали, что моя жизнь была такой уж плохой. Это не так. Мой папа меня любил, а это уже больше, чем могут сказать некоторые. Он дал мне сколько мог и ошибался по незнанию, а не из зловредности. Даже пьяным, а таким он бывал достаточно, он никогда не поднимал на меня руку и даже слова злого не сказал. Многие мужчины в моей жизни делали мне больно – черт, я вышла за одного, который почти ничего другого не делал, но папа не был одним из них. Дом на озере, где я умерла? Он купил его по дешевке у Тэдди Рирдона через год после гибели моей матери. Он купил его ради меня, чтобы отремонтировать и сдавать, откладывая деньги на университетское обучение, которое по его мнению я могла бы когда-то захотеть. Он на самом деле считал это возможным. Что я буду чего-то стоить, что бы там о нас ни говорили окружающие.

И когда все пошло не так и я оказалась с Дуэйном, папа отдал мне ключи и назвал это свадебным подарком, и вы бы никогда не поняли, что он разочарован, если бы не то, как он избегал смотреть мне в глаза.

Глава 6

ОЗЕРО

Первым, о чем подумал Берд, просматривая историю публикаций на странице Лиззи Уэллетт в Фейсбуке, было то, что ей не нравилось фотографироваться. Некоторые девушки были прямо-таки одержимы своими лицами – его последняя девушка была из этих, ее ленты в соцсетях были бесконечными сериями селфи с этими странными светящимися фильтрами, наложенными поверх, от которых она становилась похожей на какую-то мультяшную куклу. Как бы вы этих девушек ни звали, Лиззи была прямой противоположностью. Фото ее профиля в последний раз обновлялось три года назад – зернистое изображение, снятое с расстояния, на котором она повернулась лицом к солнцу. Одной рукой она прикрывает глаза, другой сжимает банку светлого пива «Курс», а на лице невозможно различить черты – нельзя определить, как она выглядела, помимо базовых деталей: бледная, худая, рыжеволосая. Берд продолжил листать. На нескольких следующих снимках Лиззи вообще не было; на одном – закат над озером, на другом – размытое изображение чего-то коричневого и пушистого – кролика? кота? – угнездившегося в траве. В какой-то момент она пыталась

сделать фото на камеру своего компьютера, но оно получилось таким размытым, что виднелись только ее глаза, ноздри и тонкая линия рта. Но в итоге он ее нашел. Десять лет назад, крупным планом, она сморела в камеру через плечо округленными глазами, приоткрыв губы, словно ее застали врасплох. На ней было желтое платье без бретелей и цветочный венок на голове, волосы искусно уложены под ним локонами, а щеки пухлые и розовые. Десять лет назад... Берд посчитал. Здесь ей должно быть восемнадцать. Совсем ребенок, отправляющийся на выпускной.

Он поглядел на изображение еще несколько секунд, прежде чем в мозгу что-то щелкнуло: цветы, макияж, наряд. Выпускной, подумал он, но нет.

Это ее свадьба.

Последний раз, когда Лиззи Уэллетт позволила себя сфотографировать, или последний раз, когда кто-то потрудился направить камеру в ее направлении. И чем больше Берд листал ее публикации взад-вперед, тем больше он был уверен, что дело во втором варианте. Аккаунты на Фейсбуке рассказывали о человеке только часть, но все же в этой странице было что-то невероятно грустное. Некоторые люди мало выкладывали в сеть, потому что ценили свою конфиденциальность. Но в случае Лиззи казалось, что она просто не заморачивалась, потому что всем было плевать.

Теперь, конечно, им было не плевать. За прошлые несколько часов страница Лиззи Уэллетт ожила коммента-

риями. Они читались как жуткие подписи в выпускном альбоме: «Поверить не могу». «Покойся с миром, Лиззи». «Лиззи, мы никогда не были близки, но я знаю, что тебе хорошо на небесах, оставайся такой же милой». Берд скрупулезно записал их имена, но он уже был уверен, что никто из них не будет полезен. Эти люди не знали девушку, не проводили с ней время. За одним исключением, Дженнифер Веллстуд, они никогда не лайкали ее фотографии и даже не поздравляли с днем рождения. Они точно понятия не имеют, чем она занималась в последние дни своей жизни, а выяснить это было задачей Берда, которая теперь казалась практически невыполнимой. Тот момент в доме, всего пару часов назад – едва сдерживаемый гогот из-за родинки на груди женщины – был лишь вершиной явления, распространенного во всем городке. Почему-то все в Коппер Фолз знали о Лиззи Уэллетт, но никто с ней не общался.

Даже ее отец не был уверен, где она была в прошлые выходные, чем она занималась, почему оказалась у озера, а не в городском доме, где жила с Дуэйном. Эрл Уэллетт был первым, кого опросил Берд в углу полицейского участка, где парамедики оставили его после рассвета из-за пожара. Покрытое щетиной лицо Эрла и его крючковатые руки были покрыты грязью и сажей; разговаривая, он бездумно потирал одну почерневшую костяшку большим пальцем. Берд задумался, не был ли мужчина в состоянии шока. По всем здравым меркам, должен бы. Человеку чертовски сложно вынести подоб-

ное: потерять семью и дело всей жизни за одно утро. Лиззи была его единственным ребенком. Эрл Уэллетт теперь остался один в мире. И все же...

– Я не знаю, чем могу помочь. Мы не очень часто общались, – сказал Эрл. Он смотрел прямо перед собой покрасневшими стеклянными глазами, то ли от дыма, то ли от скорби, либо и того, и другого.

– Даже живя так близко от нее? – спросил Берд.

– Здесь все близко, – пожал плечами Эрл. – Весь город умещается в милю от одного конца до другого. Лиззи держалась особняком. Она всегда такой была, даже когда мы жили под одной крышей.

– На свалке? – Берд проехал мимо по дороге в участок, просто чтобы поглядеть на обугленные останки трейлера, где росла жертва. – Должно быть, это было тяжело. Тесное помещение. Даже для двоих.

– У нее была своя комната. Я пытался... – Эрл молчал так долго, что Берду начало казаться, будто это было все предложение: «Я пытался». Но старик кашлянул, вытащил из кармана носовой платок, сплюнул в него густой комок коричневой слизи. – Я пытался дать ей личное пространство, – сказал он.

Большой палец Эрла прошелся по пятну сажи. Оттирая его.

– Уже выяснилось, как начался пожар? – Берд взгляделся в него.

– Не слышал. Может быть что угодно, – пожал плечами Эрл.

– Полагаю, у вас есть страховка. – Он попытался звучать непринужденно, но плечи мужчины все равно напряглись.

– Ага.

Берд не настаивал; пожар был странным совпадением, но это не его расследование. И в любом случае, Эрл Уэллетт большую часть ночи проспал мертвым сном за рулем своего фургона на парковке «Стренглерс», что, видимо, было его еженедельной привычкой. Полдюжины людей видели его – или слышали его храп – поэтому Эрл был официально снят с крючка подозрений за поджог или убийство. Несколько секунд мужчины просидели в тишине. Берд обдумывал следующий вопрос, когда Эрл Уэллетт внезапно повернулся и уставился прямо на него. Глаза старика имели странный голубой оттенок, как старые джинсы, почти обесцвеченные годами носки.

– Меня спрашивали, к какому стоматологу она ходила, – сказал Эрл.

– Стоматолог, – повторил Берд, а затем покачал головой, когда осознал значение этого. *Черт.* – А, это для опознания. Они вам не сказали?

Взгляд Эрла оставался твердым, непонимающим, но не менее пронизывающим.

«Твою мать», – подумал Берд.

– Полиция опознала вашу дочь на месте преступления по

особой приметой на ее, эм, грудной клетке. – Берд увидел, как голубые глаза сузились, жесткие брови сошлись на переносице. – Мне жаль, мистер Уэллетт, нет способа хорошо это донести. Вашу дочь застрелили. Ее лицо сильно повреждено.

Некоторые мужчины в этот момент сломались бы. Берд был благодарен, что Эрл Уэллетт этого не сделал. Вместо этого старик выудил сигарету из мятой пачки и закурил, игнорируя расклеенные знаки «Не курить» и седовласую секретаршу, обернувшуюся и смерившую его гневным взглядом, как только учуяла запах табака.

– Нам пригодились бы медицинские записи, – сказал Берд. – Любые. От стоматолога или... вы знаете, у какого доктора наблюдалась ваша дочь?

– Не сказал бы. Она ходила к доку Чалонеру из-за того случая десять лет назад. – Он помолчал. – Вы об этом наверняка слышали.

Берд слышал. Он кивнул, Эрл тоже.

– Но Чалонер умер. Может, года четыре назад. Некому было его заменить, поэтому люди начали ездить в клинику в Хантсвилл, если вообще ездили.

Берд нацарапал себе заметку, пока Эрл глубоко затягивался сигаретой. Теперь он смотрел вдаль, сжимая зубы. Он кашлянул.

– Вы сказали, особая примета.

– Родинка, – кивнул Берд. – Я полагаю...

Эрл прервал его, коротко кивнув:

– Она у нее с детства. Нам говорили, ее можно удалить лазером, но на это не было денег.

– Я понимаю. Сэр, я знаю, вам сейчас тяжело, но как родственник... я хочу сказать, если бы я показал вам фотографию родинки, вы бы ее узнали?

Эрл снова кивнул, выдыхая односложный ответ с облаком дыма:

– Ага.

Десять минут спустя Берд заглушил двигатель «Крузера» и взглянул в зеркало заднего вида, пробежав рукой по волосам. Они были более расстрепанными, чем ему хотелось бы – далеко от незамысловатых коротких стрижек, которые он делал сам во времена, когда начал работать, но чем длиннее они становились, тем легче было заметить седину, появившуюся на висках, и поэтому он отложил ножницы и позволил волосам отрастать. Это придавало ему зрелости, серьезности. Неплохая вещь для полицейского, особенно в такой день. Хотя если бы он хотел подстричься, он как раз был в нужном месте.

Здание перед ним было трейлером, необычно выкрашенным и с тканевым навесом над дверью. Ярко-фиолетовым, такого же оттенка, как нарисованная от руки вывеска, стоящая у дороги. Краска была свежей и чистой. Однако потрескавшаяся и усеянная выбоинами парковка таковой не была, что соответствовало наблюдениям Берда о Коппер Фолз в целом: люди старались и летние туристы помогали, но даже

сезонный приток людей не мог остановить затяжную смерть городка от запущенности. Дороги разваливались, витрины магазинов закрывались и пылились, фермерские домики в викторианском стиле пустовали у границ невозделанных полей, а их стены начинали оседать под весом ежегодного снега. Туши сбитых машинами оленей разлагались у окружного шоссе, потому что больше не хватало бюджета на минимальную зарплату парня, чьей работой было выезжать на своем пикапе и лопатой соскребать их с дороги.

Каждый год население Коппер Фолз понемногу уменьшалось, потому что люди сдавались, теряли надежду и сбегали на юг в поисках более легкой жизни – или не делали этого и умирали на своем месте. Берд взглянул на цифры. Даже до того, как Лиззи Уэллетт снесла пулей лицо в доме у озера Коппербрук, продолжительность жизни в этом сельском округе была ниже среднего по необычным причинам. Несчастные случаи. Самоубийства. Наркотики.

Он вышел из машины и взобрался по ступенькам под навесом, дверь закрипела, когда он ее толкнул. Свалка все еще горела, воздух до сих пор был слегка едким, даже здесь, на краю городка. Запахи внутри трейлера – шампунь, перекись, что-то отдаленно, химически грейпфрутовое – были приятными в сравнении.

Внутри оказался только один человек – брюнетка с крупной челюстью и телефоном в руке. Она взглянула на него, а потом снова уставилась на экран.

– Дженнифер Веллстуд? – спросил Берд, уже зная ответ.

Брюнетка кивнула.

– Шериф сказал, что вы зайдете. Сколько это займет? Ко мне скоро придет клиентка.

– Когда?

– Через час? – пожала плечами она.

– Этого хватит. У меня просто есть несколько вопросов.

Меня зовут...

– Да, знаю. – Она вздохнула, глядя в телефон, и отложила его. – Я не понимаю, чем могу помочь. Я едва знала Лиззи.

– Интересно, все говорят, что вы были ее ближайшей подругой, – сказал Берд.

– Если это правда, то это очень печально, – сказала она, глядя себе под ноги. Затем она покачала головой. – Дерьмо. Наверное, это правда.

– Вы должны понимать, – сказала Дженнифер, – что с Лиззи было непросто. Да, народ хреново к ней относился. И к ее отцу. Эрл Уэллетт приехал в город молодым парнем, чтобы работать на лесопилке, женился на местной девушке и перенял управление свалкой ее отца всего лет за десять – а это, по мнению некоторых фанатиков, значило, что ему категорически нельзя доверять. Не имело значения, что это было лет сорок назад; не важно, сколько ты здесь живешь и сколько корней пускаешь, они все равно недостаточно глубокие, чтобы впечатлить семьи, прожившие здесь пять поколений. А твои дети...

– Знаете эту поговорку? «Если кошка рожает в духовке, это не значит, что котята получают печеньем», – продолжила Дженнифер, криво улыбаясь.

– Да, слышал, – кивнул Берд.

– Тогда вы знаете, как все было. Не имело значения, что Лиззи родилась здесь. Она все еще была чужой в глазах тех, кто придавал этому значение. – И из нее получился хороший козел отпущения, – продолжила Дженнифер. – Не только из-за ее отца или той мусорной кучи, где они жили, и не потому, что Эрл Уэллетт иногда охотился на белок, чтобы приготовить жаркое – может, это было нормально там, откуда он, но здесь людям такое не нравилось, а он даже не соизволил сделать вид, что ему стыдно. Дело было в самой Лиззи. Эрл не противился неприязни местных, но Лиззи отвечала тем же. Так и продолжалось, пока никто не помнил ничего, кроме презрения, пока люди не возненавидели ее – намного, намного сильнее, чем ненавидели ее папочку. Между ними это текло, как темная и глубокая река. Непреодолимая.

– Но вы дружили, – сказал Берд.

– Не то чтобы, – пожала плечами Дженнифер. – Но мы не враждовали. Если я ее видела, я здоровалась, а она здоровалась в ответ. Я не всегда ладила с Лиззи, но, полагаю... мне было ее жалко. Дуэйн всегда всюду ходил без нее, на барбекю и всякое такое, словно мы все еще в школе и парни бы над ним насмеялись, если бы он взял ее с собой. Я имею в виду, они были *женаты*. Это очень странно. Поэтому иногда я ее

приглашала.

Берд вспомнил фотографию Лиззи, шурящейся на солнце с банкой пива в руке. Может, это было дело рук Дженнифер? Приглашение из жалости на тусовку у кого-то во дворе?

– Когда вы в последний раз ее видели? – спросил он.

– Сложно сказать. Я наткнулась на нее в Ханнафорде довольно давно. Может, в начале лета. Мы немного поговорили. Она была занята работой и домом. Который на озере. Вы его видели? – Берд кивнул; она тоже, немного улыбнувшись. – Она неплохо его отделала. Это ей хорошо удавалось. Я была за нее рада.

– Я слышал, так было не со всеми.

– Люди иногда ведут себя смешно. Ну, честно, это чистая зависть. Никто не *хочет* сдавать жилье второму кузену своей жены по скидке. Они бы все хотели сделать как Лиззи, послать Кузена Чарли на хер и выставить предложение на AirBnB, привлечь городских с набитыми карманами. Та парочка, не помню, как их звали, но у них было полно денег. В прошлом году они сняли дом у Лиззи на целый месяц, а потом снова приехали этим летом. Женщина как-то приехала сюда на огромном черном внедорожнике, спрашивала, могли я ее тонировать.

– И вы это сделали?

– Не-а, мне бы пришлось специально заказывать краску, – сказала она. – У нее были уникальные волосы.

– Уникальные?

– Колорированные. Знаете, что такое балаяж?

– Бала-что?

– Не важно, – закатила глаза она. – Изначально они были цвета розового золота или вроде того, но вода здесь их испортила – из-за озерной воды и солнца они стали прямо медными. Честно сказать, выглядело дерьмово. Я сказала ей, что могу только вернуть ее в натуральный цвет.

– И как она это восприняла?

Дженнифер фыркнула. Берд невольно рассмеялся.

– В общем, это последний раз, когда я ее видела. Жаль. Могла бы содрать с нее втридорога.

Берд осмотрел помещение. Как и Лиззи, Дженнифер разбиралась в декоре: товары были аккуратно выставлены вдоль стены, за ними – растение в горшке, добавляющее цветовой акцент. Было неплохо, но это все равно парикмахерская в трейлере.

– А как насчет Лиззи? Она делала что-то с волосами?

– Один раз. На свадьбу.

– Я видел фотографию. Она выглядела симпатично.

– Лиззи? Симпатично? – усмехнулась Дженнифер. – Должно быть, удачная фотография. Но прическа получилась красивой. Я тогда еще училась в техникуме, была еще ребенком. Но да, она обращалась ко мне только раз. Она сюда не заходит. – Она прервалась, затем исправилась: – То есть не заходила. Лиззи не интересовали стрижки. Или болтовня.

– Значит, она с вами не разговаривала по душам, – сказал

Берд.

– Не со мной. Думаю, вообще ни с кем. Может, с Дуэйном.

– Расскажите мне о Дуэйне.

– Я не знаю, где он, если вы об этом, – пожала плечами Дженнифер. – Вы считаете, что он это сделал, да?

Берд и глазом не моргнул:

– Как насчет их отношений с Лиззи? Похоже, вы знали их обоих. Как они оказались вместе?

– Им было по восемнадцать, – фыркнула она. – Могу поспорить, вы догадаетесь сами.

– Она была беременна, – сказал Берд. Он, конечно, уже знал об этом. Это одна из первых вещей, которые он узнал о Лиззи Уэллетт, когда начал задавать вопросы, и это первое, что по мнению людей он должен был о ней знать.

– Да, – сказала Дженнифер. – Думаю, она потеряла ребенка. Но получила парня.

– Звучит, будто вы считаете, что она сделала что-то плохое.

Дженнифер вздохнула:

– Послушайте, я была в школе на два класса младше их с Лиззи. Я не общалась с ними. Но я не думаю, что была старше четырех, когда кто-то впервые сказал мне, что Уэллетты это мусор и мне стоит держаться от них подальше. О Лиззи говорили, что у нее герпес и если подойти слишком близко, ты им заразишься. Мы даже не знали, что такое герпес, но вы же в курсе, какими бывают дети.

– Похоже на что-то большее, чем детские забавы, – сказал Берд.

– Это уж точно набрало оборотов примерно во время свадьбы. Люди злились из-за того, что она сделала с Дуэйном.

– Что она... сделала? – Берд пытался сохранить нейтральное выражение лица, но Дженнифер уловила его тон и ухмыльнулась.

– Ой, ну знаете. Испортила ему жизнь. – Она закатила глаза. – Как будто она сама по себе залетела, верно?

– Дуэйн тоже так считал?

Она заерзала, внезапно смутившись.

– Я не знаю. Все удивились, что потом они остались вместе. Он особо об этом не говорил. Думаю, он почувствовал себя в ловушке после свадьбы, пусть и без ребенка.

– Кто-то из них когда-либо связывался с другими? Были измены?

– Я не знаю, – быстро произнесла Дженнифер. Но в этот момент ее взгляд метнулся в сторону.

Берд решил, что еще расспросит ее, если будет нужно, а пока что стоило попрощаться и поблагодарить Дженнифер Веллстуд за уделенное ему время.

Он уже наполовину развернулся, чтобы выехать с парковки, когда дверь фиолетового трейлера распахнулась. Тогда он остановился и опустил окно пассажирского сиденья, пока Дженнифер приближалась. Ее руки были крепко скрещены под грудью, будто она обнимала себя, и она оглядела пустую

дорогу, прежде чем наклониться и заглянуть в окно.

– Мисс Веллстуд, – сказал Берд.

– Послушайте, я не хочу создавать проблемы.

– Для кого? – сказал Берд, и она снова огорчилась. Хорошо. Иногда людей нужно легонько подтолкнуть в сторону порядочности – или по крайней мере того, чтобы они не слишком боялись испортить репутацию парня, который разнес голову своей жены из ружья.

Дженнифер наклонилась ближе:

– Как-то давно я заезжала к Лиззи и Дуэйну, чтобы отдать кое-какие вещи. Это было после праздников, потому что к нам на Рождество приезжала вся семья моего мужа, а она одолжила мне свою большую жаровню. Когда она открыла, у нее под глазами были два фингала.

Берд вскинул брови и выдержал ее взгляд, выжидая в полной уверенности, что это еще не все. Дженнифер закусила губу.

– Она пыталась не дать мне их разглядеть. А я не спросила. Я не хотела спрашивать. – Потом она переступила с ноги на ногу и во второй раз отвела глаза в сторону. Виновато. – Наверное надо было спросить.

Берд подался к окну.

– Думаете, Дуэйн ее бил? – спросил он, но Дженнифер напряглась и выпрямилась, отступая и оглядывая дорогу. С запада приближалась машина. Она замедлилась, проезжая мимо, и лицо водителя бледной луной показалось за стеклом.

Он разглядывал их. Дженнифер помахала. Рука мелькнула в ответ. Когда машина скрылась из вида, она повернулась, снова скрестив руки.

– Я вам этого не говорила.

Глава 7

ЛИЗЗИ

Моего мужа можно назвать по-разному. Любимчиком девочек в старшей школе. Грубым отбросом. Спортсменом, который мог бы стать профессионалом, если бы получилось. Наркоманом. Мудаком. И да, он был убийцей. В конце концов – и в конце концов мы до этого дойдем. Я собираюсь рассказать вам все. Но недостаточно просто рассказать правду; я рассказываю вам историю и хочу, чтобы она получилась как надо. Вы должны знать ее всю, чтобы понять конец.

Мой муж бывал настоящим подонком.

Но он был не из тех, кто избивает свою жену.

Даже в худшие времена, когда он был по-настоящему взбешен, пьян или обдолбан, или все сразу. Я видела в те моменты, что ему хотелось меня ударить. Но он этого не делал, и я думаю, это потому, что он знал: если ударит, я ударю в ответ. И будет больно. Я знала его слабые места.

Он никогда бы не рискнул. Несмотря на все его легендарные способности на игровом поле, на невероятно сильную руку, которая могла сделать его звездой, мой муж не любил вызовов. Принц моей хреновой сказки предпочитал нечестные драки, чтобы его противник был безнадежно слабее, а

итог был гарантирован. В старшей школе он был большим парнем, который выставлял ногу в людном коридоре, лишь бы посмотреть, как какой-то хилый восьмиклассник шлепнется. Он был мужчиной, получавшим странное, гротескное удовольствие, когда преследовал паука по дому, позволяя тому выбраться на свободу, а затем обрушивая на него ботинок или свернутый журнал и превращая его в пятно на полу. Или от этой проклятой электромухобойки – он обожал ее. Он смотрел это как фильм, сидя на крыльце с пивом в руке, пока комары и мухи плыли из сумрачного леса, притягиваемые гипнотическим голубым свечением прибора на нашем заднем дворе. Если закрыть глаза, можно было услышать, как они сталкиваются с ним: «Бззз! Фззз!»

Дуэйн по-идиотски хихикал каждый раз, когда насекомое себя сжигало, такой порывистый звук из глубины его горла, и в конце концов он допивал пиво, бросал скомканную банку во двор и говорил: «Гребаные насекомые такие тупые».

Вот таким был мой мужчина: полупьяный во вторник, упивающийся превосходством над чем-то, у чего даже нет центральной нервной системы. Чтобы издеваться над кем-то его габаритов потребовалась бы стойкость характера, которой у него не было.

Но такими и были мужчины Коппер Фолз. Не все, может, даже не большинство, но достаточно. Достаточно, чтобы это стало тенденцией. Достаточно, чтобы, будучи одним из них, оглядываться и думать, что таким быть нормально.

Твой отец, наверное, был таким же; он же и научил тебя, что есть определенное чувство власти в растаптывании пауков, сжигании мух, уничтожении жизни настолько меньше твоей, что это едва ли имело значение. Ты бы с ранних лет этому научился, будучи еще мальчиком.

А потом ты бы провел остаток своей жизни в поисках маленьких существ, которых можно раздавить.

Это случилось летом, когда мне было одиннадцать, я еще была достаточно маленькой, чтобы верить, что место, где мы жили, обладало какой-то магией. Наш трейлер располагался на ближайшем к дороге участке, а за ним возвышались груды мусора, словно древний разрушенный город. Свалка казалась краем света, и мне нравилось притворяться, что так и было, а мы с отцом были ее хранителями – стражами на границе, которые должны защищать древние тайны от нарушителей и грабителей. Извивающиеся коридоры утоптанной грязи были проложены между грудями металлолома, сломанной мебели, выброшенных игрушек. Западную границу владений отмечала длинная груда разбитых машин, наваленных, как продолговатые кирпичи, и таких старых, что они были там не то что до моего рождения, но еще до того, как мой папа стал управляющим. Папа их ненавидел; он беспокоился, что однажды груда развалится, и предупреждал меня никогда не пытаться взобраться наверх, но ничего не мог с ней сделать. Аппарат, которым их поднимали и прессовали, давно был продан в уплату каких-то долгов, поэтому ма-

шины оставались медленно ржаветь. Я пробиралась до конца той линии, где груды кончались и начинались леса – узкая тропинка пожелтевшей травы вела от сплюсненной «Камаро» и исчезала между деревьями. Это была самая старая часть территории, еще до времен, когда это место стало кладбищем ненужных вещей. Мое любимое место было спрятано в ста ярдах за деревьями: поляна, где поржавевшие оболочки трех древних грузовиков стояли носами друг к другу, погрузившись в землю по самое днище. Никто не знал, кому они принадлежали и как давно их там оставили, нос к носу, будто они прервались посреди разговора, но я обожала их формы: закругленные капоты, тяжелые хромированные бамперы, большие, черные дыры на месте фар, как глаза жуков. Теперь они были частью ландшафта. Животные годами гнездились в сиденьях, побеги обвилились вокруг шасси. Прямо в одном из них прорастал дуб, поднимаясь из водительского сиденья и сквозь крышу, расцветая пышной зеленой кроной над ней.

Мне это казалось красивым. Даже уродливые части, вроде той линии нагроможденных машин или груд испорченного хлама, казались мне захватывающими, опасными и немного загадочными. Я еще не поняла, что должна стыдиться – трейлера и куч позади него, нашей дешевой мебели, того, как папа выбирал игрушки или книги из коробок дерьма, которые люди оставляли на свалке, отмывал их и дарил мне на Рождество или дни рождения, завернутыми и перевязанны-

ми бантиком. Я не знала, что это мусор.

Я не знала, что мы – мусор.

За это мне надо благодарить папу. Особенно за это. Я долгое время могла воображать, что мы были благословенными стражами странного и волшебного места, и теперь я понимаю, что это из-за него, что он взял на себя хранение тайны о жестокости мира, чтобы она не портила мои мечты. Даже в тяжелые времена, когда зима длилась на месяц дольше обычного, машина ломалась и ему приходилось потратить все деньги не на продукты, а на новую коробку передач, он никогда не показывал мне, что мы в отчаянном положении. Я все еще помню, как он уходил в лес на рассвете и возвращался с тремя жирными белками, висящими на плече, как он улыбался, говоря: «Я знаю везучую девочку, которая сегодня получит бабулино фирменное куриное жаркое». Он был таким убедительным со своими «фирменное» и «везучую», что я радостно хлопала в ладоши. Однажды мне предстояло понять, что мы не были везучими, а просто нищими, а выбрать могли между мясом белок или его отсутствием. Но в те дни, когда я ловко отрезала лапки у своего ужина окровавленными ножницами по металлу, освеживала их, как меня научил папа, а его – мой дедушка, все это казалось приключением. Он ограждал меня от правды о том, кто мы, сколько мог.

Но он не мог делать это вечно.

Тем летом я много бывала одна, только я, кучи и живущие

на свалке коты. Парочка этих потрепанных дикарей всегда бродила поблизости, но я редко видела их больше, чем краем глаза, они шныряли серыми молниями между груд мусора, скрываясь в лесу. Но той зимой я нашла котят; я слышала их мяуканье где-то возле трейлера и однажды увидела, как стройная трехцветная кошка исчезает в проходе с только что пойманной мышью в зубах. К июню кошка исчезла в неизвестном направлении, но котята остались, превратившись в трех любознательных, длинноногих юнцов, сидевших на верхушках груд и наблюдавших, если я проходила по двору. Папа смерил меня долгим взглядом, когда я попросила у него кошачьей еды из магазина.

– Эти коты сами могут охотиться, – сказал он. – Поэтому мы их не гоняем, чтобы во дворе не было грызунов.

– Но я хочу им понравиться, – сказала я. Наверное я выглядела жалко, потому что он втянул щеки, чтобы не засмеяться, и после следующего похода в магазин он вернулся с пачкой дешевого сухого корма и предупреждением: никаких котов в трейлере. Он сказал, если я хотела завести питомца, он купит мне собаку.

Я не хотела собаку. Поймите, не то чтобы они мне не нравились. Я всегда любила животных, в основном даже больше, чем людей. Слюни, лай, отчаянное желание угодить. Собачья преданность переоценена; ты получаешь ее ни за что. Ты можешь пинать собаку каждый день, а она все равно будет возвращаться, умоляя, чтобы ее любили. Но коты дру-

гие. Здесь нужно потрудиться. Даже котята на свалке, еще не научившиеся опасаться людей, не сразу начали брать еду у меня с рук. У меня ушли дни, чтобы они не убежали от меня, больше недели я добивалась их доверия. Даже когда они брали лакомство у меня с ладони, только один достаточно расслаблялся, чтобы забраться мне на колени и замурлыкать. Он был самым маленьким из всех, с белой мордочкой и серыми отметинами на голове и ушах, похожими на чепчик, и смешными передними лапками, сгибавшимися вовнутрь, как человеческие локти, некоторые называют таких «белкотятами»¹. В первый раз, когда он выполз из-за кучи, я рассмееялась от того, как он прыгал и стоял на задних лапках, словно кенгуру, оценивая ситуацию. Он не знал, что с ним что-то не так, или если и знал, ему было все равно. Я мгновенно и горячо его полюбила. Я назвала его Лоскутком.

Мой отец не понимал и не разделял моей любви к сломанным вещам. В первый раз, когда он увидел, как Лоскуток выбрался из груд мусора, он помрачнел.

– О, черт, девочка. Он не может охотиться с этими кривыми передними лапами, – сказал он. – Зиму он не переживет. Самым добрым будет его прикончить, пока он не умер с голоду.

– Он не умрет, если я буду его кормить, – сказала я, сжи-

¹ В ориг. squitten – коты с генетическим дефектом, из-за которого лучевая кость формируется частично или полностью отсутствует. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

мая кулаки и гневно глядя на него. Я была готова сражаться, но папа снова мрачно на меня посмотрел, недовольно и грустно, и ушел. Тем летом у него особенно не было времени воевать с упрямым ребенком из-за печальных, жестоких жизненных фактов. Он договорился с Тедди Рирдоном о покупке дома у озера – тогда он был на грани обвала, столетний и едва использовавшийся в последнюю четверть века, и поэтому он часто оставлял меня приглядывать за свалкой во второй половине дня, а сам занимался ремонтом. Я относилась к работе серьезно примерно три дня – именно столько времени у меня ушло, чтобы понять, что все местные знали, чем занят папа, и никто не придет искать металлолом или запчасти, когда его нет на месте.

Я не возражала. Я привыкла проводить долгие часы в одиночестве, разыгрывая сложные фантазии, основывавшиеся на том, что я читала в книгах. Я притворялась пиратом или принцессой, представляла, что кучи мусора это высокие стены, окружающие незнакомые и загадочные земли, из которых я пыталась сбежать или которые хотела ограбить, в зависимости от настроения. Мне хорошо давалось притворство, и я предпочитала делать это в одиночестве; другие дети всегда портили такие игры – выходили из роли, нарушали правила – и разбивали фантазию. Но наедине с собой я могла жить в одной истории часами, а то и днями, начиная с того места, где остановилась, как только папина машина скрывалась на дороге.

Погода тем утром была зловещей. День начался серо и хмуро, небо уже было тяжелым от низко висящих туч. Папа взглянул на них, ворча; он все еще латал крышу домика у озера, и его не радовала перспектива, что работу прервет по всей видимости неизбежный шторм. Для меня сгущающиеся тучи были лишь частью истории того дня: ведьма поселилась в лесу, решила я, и наслала проклятие, медленно распространяющееся по небу, как темная болезнь. Мне пришлось бы пробираться к ее логову и сражаться с ее черной магией моей собственной. Я наполнила стеклянную банку заготовкой контрзаклинания: цветки клевера, ленточка, один из моих молочных зубов, добытых из коробки, где я хранила всякую всячину. (Зубная фея перестала являться в наш трейлер, когда мой отец начал больше пить, хотя я еще несколько лет не видела связи; а тем временем выпавшим зубам находилось применение в подобных ситуациях.) Когда Лоскуток объявился, я взяла его на руки и сделала частью игры: остальные коты во дворе были слугами ведьмы, решила я, но этот перешел на мою сторону, когда она прокляла его, сделав лапки кривыми.

Я не слышала, как они пришли; я не знала, как долго они наблюдали за мной. Я медленно и осторожно пробиралась между кучами, возвращаясь к волшебному месту, где нос к носу покоились три грузовика: если и было место, подходящее для колдовства, то это оно. Я была поглощена игрой, а тем временем Лоскуток счастливо дремал у меня на плече,

поэтому меня удивило, когда я поняла, что не одна. Трое детей, двое мальчиков и одна девочка, стояли, таращась, возле груды машин, преграждая желтую тропинку в лес. Я знала всех троих, конечно же, из школы и города. Двое из них, девочка и мальчик с грязными светлыми волосами – Брианна и Билли Картеры, двенадцати и тринадцати лет, дети ближайших соседей с другой стороны леса, примыкавшего к свалке. Когда-то давно мы играли вместе, еще когда моя мать была жива, чтобы организовывать такие вещи, но дружелюбие исчезло вместе с ней; теперь они появлялись только чтобы бросаться камнями в машины, и моему отцу уже не раз приходилось говорить с ними о том, чтобы они не заходили на нашу территорию. Очевидно, они не послушались.

Другой мальчик, Ди-Джей, был младше – он сидел на ряду позади меня в пятом классе мисс Расмуссен в прошлом году – но он был большим для своего возраста, почти одного роста с Билли. По ухмылкам на их лицах я догадалась, что они, должно быть, наблюдали за мной какое-то время.

– О боже, это отвратительно, – громко сказала Брианна, а ее брат улыбнулся.

– Я же вам говорил, – сказал Билли. – Она с ним целуется и все такое.

– О боже, – повторила Брианна и издала что-то среднее между смешком и повизгиванием.

У меня ушло пару мгновений, чтобы понять, что они говорили о коте, который все еще спал у меня в руках, ниче-

го не подозревая, подложив свои смешные передние лапки под голову. И еще дольше до меня доходило значение этого «я же вам говорил» – Билли Картер не в первый раз прокрадывался на территорию и наблюдал за мной, пока я играла с Лоскутком во дворе. Он бывал там раньше, может, не раз, может, прятался в лесу, чтобы я его не видела, или, может, я была так увлечена своими глупыми играми, что не замечала его. Теперь он вернулся и привел зрителей.

Билли с сестрой оскалились и загоготали, когда я сильнее прижала Лоскутка к груди, но именно Ди-Джей выступил вперед.

– Тебе не стоит трогать этого кота, – сказал он. – Мой папа говорит, что такие коты больные. Он заразит других котов, и скоро они все будут такие же кривые. Он не должен жить.

Я прикусила нижнюю губу, неспособная облечь мысли в слова. Во рту у меня пересохло, мысли путались, как будто я только что проснулась от яркого сна, а кожа вся покалывала от неприятного шока, что меня застали врасплох. Я хотела, чтобы они ушли. Я ненавидела Брианну и Билли, которые приходили на нашу территорию, хоть знали, что этого делать нельзя, хоть их уже предупреждали. Папа сказал им, что если они еще раз вторгнутся в наши владения, он позвонит их родителям или даже вызовет полицию, и все равно они стояли там, такие уверенные, что могут просто топтаться по нашему двору и ничего им за это не будет. Но меня больше нервировал Ди-Джей, потому что он двигался ближе

маленькими шажками и смотрел на Лоскутка со смесью отвращения и любопытства. Потому что его красный, влажный рот сформировал слова: «Он не должен жить».

Мне нужно было убежать. Я могла убежать. Я знала двор лучше всех и была шустрой; я могла бы пробраться к трейлеру и запереться там с Лоскутком, оказаться в безопасности. Мы могли бы подождать там, пока им наскучит и они уйдут. Хоть папа сказал, что котам в дом нельзя, он бы понял, что мне пришлось занести Лоскутка, что нарушение правил было единственным способом предотвратить ту ужасную вещь.

Но я помедлила. Сглупила. Была слишком невинной, чтобы понять, что мы живем в мире, где некоторым нравится растаптывать маленьких существ – и где они потом еще скажут тебе, что так проявили доброту. Внезапно я вспомнила слова папы, значение которых я упорно отказывалась слышать по-настоящему.

Самым добрым будет его прикончить, пока он не умер с голоду.

Ди-Джей, маленький мальчик с красным ртом, тоже был шустрым. И в отличие от меня у него был план: я позже узнала, что именно поэтому он увязался за Картерами, чтобы сделать то, что считал необходимым. Он выхватил Лоскутка у меня из рук прежде, чем я поняла, что происходит. В одну секунду я держала кота в руках; в другую они опустели, а Лоскуток извивался в крепкой хватке Ди-Джея, сжимавшего его под передними лапками. Я попыталась броситься

вперед.

– Нет! – крикнула я.

– Это будет быстро. Держите ее, – сказал Ди-Джей, мрачно сжав губы, отчего он внезапно показался старше, как взрослый мужчина, у которого была определенная задача. Низкие серые облака над нашими головами начали сгущаться и темнеть, а в моей голове, из той части, что занимала меня часами разными историями, тонкий голосок прошептал: «Слишком поздно, проклятие расплзается». Брианна с Билли немедленно повиновались, подбежав ко мне, схватив меня за руки и оттолкнув назад, пока Ди-Джей уносил дергающегося кота, а я кричала, потому что наконец-то поняла, слишком поздно, что должно было произойти. Что он собирался сделать. Он перевернул Лоскутка, хватая его за задние лапки. Одинокая капля дождя резанула мою щеку, когда я вырывалась из крепко сжимающих меня рук. Ди-Джей остановился перед кучей нагроможденных машин, такой высокой, твердой и неумолимой. Я увидела, как он переместил вес тела, словно бейсболист, развернул колено, согнул локти, собирая всю накопленную энергию, пока Лоскуток беспомощно болтался у него в руке – а потом у меня в голове снова послышался голос, похожий на мой, но старше, усталый и холодный, как лед.

Не смотри.

Я зажмурилась.

Послышалось истошное мяуканье, прерванное ужасным,

отдающимся эхом ударом.

Руки, державшие меня, ослабили хватку.

Пошел ливень, усиливаясь, пропитывая мою футболку насквозь.

– Эй, – слышался голос Ди-Джея возле меня. – Эй, послушай... ему не было больно.

Я не ответила.

Дождь все шел.

Я сидела в грязи, дрожа с закрытыми глазами, пока не была уверена, что осталась одна.

Папа вскоре вернулся домой и нашел меня сидящей на откидных ступеньках под дождем. Я промокла до костей и держала обмякшее тельце Лоскутка в руках, а моя футболка была измазана кровью и свалявшейся шерстью.

– Лиззи? – сказал он. – Господи, какого черта...

Я посмотрела на него и сказала:

– Ничего, я не заносила его внутрь, потому что ты сказал... ты сказал... – Потом я разрыдалась, а мой отец обхватил меня руками, меня и бедного, мертвого Лоскутка, и занес меня внутрь, где я наконец-то успокоилась и рассказала ему, что случилось. Я помню выражение его лица, когда он слушал, а потом он встал, взял ключи и поехал к дому Картеров: это было то же выражение, которое я час назад видела на лице Ди-Джея – решительность мужчины с неприятной, но необходимой задачей. Он сказал, что вернется через десять минут, но прошло намного больше, почти час, и я не знаю,

что он сказал, но Билли и Брианна больше не ступали на нашу территорию тем летом, а когда наступил сентябрь, они вообще исчезли, вся семья переехала в другую часть штата, и о них никогда больше не слышали.

С Ди-Джеем все было не так просто. Его папочка был проповедником церкви на холме, а его семья была одной из старейших в городе, их фамилия даже была выгравирована на памятнике основателям, стоявшем в парке. Мой же отец, который вырос далеко от Коппер Фолз и не был связан кровными узами в этом городке ни с кем, кроме меня, должен был действовать осторожно – так он мне сказал, копая могилу бедному, милому Лоскутку на поляне за свалкой, а я тогда положила букетик цветков клевера и ночных фиалок на холмик. Он снова заставил меня пересказать историю, а потом в третий раз, внимательно слушая, как я повторяла последовательность событий. Появление детей на границе двора. Как Лоскуток был у меня в руках, а потом – нет. Как Ди-Джей перевернул его вверх ногами. Кошмарный, гулкий звук удара, когда кости под шерсткой столкнулись с бампером сплющенной «Камаро». Ощущение дождя, пропитывающего футболку, волосы, пока я сидела в грязи с закрытыми глазами, а затем картина, ждавшая меня, когда я их открыла. Он спросил, мягко, но очень серьезно: была ли я уверена, что это сделал Ди-Джей; что это действительно был он; даже с закрытыми глазами? И я так же серьезно кивнула. Да, я уверена.

На следующее утро папа сбрил щетину, расчесал волосы, надел чистую рубашку и поехал в город. Его долго не было; солнце стояло в зените, когда он наконец-то вернулся. Он был не один. Сидя на ступеньках, я наблюдала, как вторая машина, новее, красивее и чище папиного старого пикапа, заехала за ним. За рулем был проповедник. На пассажирском сиденье виднелся кто-то поменьше.

– Я буду внутри, – сказал папа, затем оглянулся через плечо на Ди-Джея, вышедшего из отцовской машины и остановившегося передо мной, засунув руки глубоко в карманы. – Этому мальчику нужно тебе кое-что сказать, не так ли?

– Да, сэр, – сказал Ди-Джей.

Я наблюдала за его приближением, скрестив руки на груди. Я думала, меня затошнит при виде его, при воспоминании о том, что он сделал, но этого не случилось; мне было любопытно. Мальчик, который шел ко мне, казался другим человеком от того, который вырвал Лоскутка у меня из рук. То взрослое выражение лица исчезло. Он казался маленьким, неуверенным, несчастным. Он остановился в нескольких футах от меня, переминаясь с ноги на ногу.

– Мой папа говорит, я должен извиниться, – сказал он наконец. Он смотрел себе под ноги. – Он говорит, что даже если в принципе правильно избавлять таких котов от мучений, я не должен был этого делать. Потому что, эм, потому что... – он быстро оглянулся на человека за рулем, – потому что папа сказал, я был не вправе. Поэтому он привез меня,

чтобы я тебе сказал.

– Сказал что, мальчик? – послышался голос моего папы, и мы с Ди-Джеем взрогнули; он стоял за сетчатой дверью трейлера, и на меня нахлынула благодарность, что он остался проследить за этим до конца.

– Извини, – сказал Ди-Джей.

Я не знала, что буду говорить, пока слова не вырвались наружу.

– Тебе правда жаль? – спросила я. В первый раз за все время он посмотрел мне в глаза.

– Да, – сказал он, а затем, так тихо, что слышала только я, добавил: – Я пожалел сразу же. Сразу же.

Конечно, ничего нельзя было вернуть. Жалел он или нет, Лоскуток был мертв, а с ним и часть меня, верившая в сказки, волшебные заклинания, спасение сломанных вещей от мира, который хотел им навредить. После того случая я перестала играть во дворе. Я никогда больше не подкармливала котов. Я не рассказывала себе красивых историй о нашем месте в мире. Когда я выходила за дверь, я знала, кто я и что я: девочка, живущая в сердце мусорной горы.

И теперь всего этого нет, как и меня. Могу поспорить, дым от горящей свалки видно на мили вокруг. Если прищури-тесь, может, вы увидите мою душу, плывущую в небо вместе с ним, поднимаемую колонной зловонной, расплзающейся черноты. Мне интересно, где мой отец, уедет ли он наконец. Стоило бы. Бизнес сгорел, дочь мертва; в Коппер Фолз его

ничто не держит.

Но погодите: история еще не окончена. Я чуть не упустила лучшую часть.

Потому что после вынужденного извинения и внезапно-го проявления сожаления Ди-Джей кивнул, отвернулся и пошел, поникнув, к все еще заведенной машине своего отца-проповедника. Мужчина на водительском сиденье опустил окно, и облако сигаретного дыма вырвалось в жаркий воздух.

Проповедник спросил:

– Сделано, Дуэйн-младший?

– Да, сэр, – ответил мальчик.

Потому что тот мальчик, убивший моего кота, я вышла за него замуж.

Глава 8

ГОРОД

– Адриенн Ричардс?

Она так долго ждала и так внимательно вслушивалась, чтобы ее позвали, что вскочила еще на первом слоге. Кожаный диван, на котором она сидела, грубо скрипнул, когда она встала.

– Да.

Женщина, назвавшая имя Адриенн, была молодой и одетой безупречно, от фирменных «лабутенов» с красной подошвой до больших модных солнечных очков. Она улыбнулась отрепетированной улыбкой – натянув губы, не показывая зубов, сплошной профессионализм; если повседневный наряд ее клиентки с кроссовками и леггинсами ее смутил, она не подала вида.

– Сюда, пожалуйста, миссис Ричардс.

– Спасибо.

Каблуки застучали по коридору, и она пошла следом, заставляя себя идти ровно, вести себя нормально. Притворяться, что это обычный день. Она просто женщина, пришедшая на деловую встречу, ничего необычного, не на что смотреть.

Было непросто. Она уже испугалась один раз за то утро,

всего в нескольких кварталах от салона, куда зашла и записалась к первому свободному стилисту на мелирование и стрижку. Она специально выбрала место на другом конце города от квартиры – одинаково отдаленное и от офиса Итана, и от привычных для Адриенн мест, отчасти чтобы избежать вероятности случайной встречи с кем-то из их знакомых. До того все шло гладко. Никто не обращал на нее внимания, а молодой парень, занимавшийся ее волосами, сделал именно то, что она просила: длинное волнистое каре с мелированием оттенка розового золота, идеально сочетавшееся с фотографией, которую Адриенн сохранила на Пинтерест с тегом *hairspiration*.

Когда кто-то легонько постучал пальцем по ее плечу, пока она на тротуаре рылась в поисках ключей, она чуть не взвизгнула. Она резко обернулась и оказалась лицом к лицу с извиняющейся блондинкой в таком же наряде – в элегантном спортивном стиле, который преобладал в гардеробе Адриенн, как униформа, позволяющая женщинам из городского класса праздных бездельников узнавать друг друга в дикой природе. Приглядевшись, она заметила, что у них практически одинаковые легинсы, но немного разного фасона.

– Я почти тебя не узнала! – прошептала блондинка, и тут наступило мгновение незамутненной, удушающей паники: *Дерьмище. Ты кто?* Лицо женщины было ей не знакомо, но только в том смысле, что мир Адриенн был полон женщин, выглядящих так же: стандартно красивых с их густыми ари-

стократичными бровями, лицами, искусно усовершенствованными косметикой и уколами, и телами, подкорректированными дорогими занятиями фитнесом. Затем блондинка снова заговорила, и паника отступила.

– Я не сразу вспомнила твое имя – Адриенн, да?

Она улыбнулась в ответ, мгновенно имитируя извиняющийся тон собеседницы.

– Да! Конечно, привет! Извини, мне так стыдно, но я совсем забыла...

– Анна, – сказала блондинка, смеясь. – Мы в одной группе на велотренажерах по субботам. Я всегда так ужасно себя веду, когда сталкиваюсь с кем-то из студии в реальной жизни, это, типа, другой контекст, да? Я чуть не прошла мимо, но потом заметила твою сумку. – Она прервалась, указав на спортивную сумку Адриенн, которую и правда сложно было не заметить: не только из-за броского разноцветного принта, но и из-за логотипа, украшающего одну сторону, громко объявлявшего, что вещь стоила по меньшей мере две тысячи долларов. Взгляд Анны мимолетно, но с завистью задержался на логотипе, затем вернулся к глазам собеседницы. – В общем, я решила поздороваться. Твои волосы выглядят отлично! Ты что-то с ними сделала?

– Вроде того, – сказала она. Ей отчаянно хотелось закончить разговор, но Анна явно любила болтовню; было бы опрометчиво повести себя грубо, это не в ее характере. Она улыбнулась, надеясь показаться застенчивой, немного уязви-

мой, и подалась вперед. – Откровенно говоря, у меня уже был такой цвет. Прошлой осенью он был очень модным, но я просто не смогла с ним расстаться. – Она замолчала, позволила себе хихикнуть. – Это ужасно, если мне кажется, что он мне очень идет?

– О боже мой, да, конечно, – сказала Анна настолько искренне, что сложно было не рассмеяться. – Ты наверное вернешь его в моду! Тебе надо это запостить. Ты давно ходила на занятия? Кажется, я тебя там не видела на прошлых выходных или... Погоди, у тебя же был запланирован отпуск, да?

Паника вернулась. Для человека, заявлявшего о проблемах с памятью, Анна помнила уж слишком много деталей о расписании Ричардсов. *Черт побери, Адриенн*, подумала она. Она всегда трепалась слишком много.

– Наверное я выбилась из привычного распорядка, – сказала она. Еще одна застенчивая улыбка, достаточно дружжелюбный тон. И все же она беспокоилась, что именно такой загадочный ответ только распалит любопытство Анны.

Но Анна не заинтересовалась. Она перестала слушать, может, даже не услышала начало ответа на ее вопрос, а вместо этого уставилась в свой телефон и что-то яростно печатала.

– Анна?

– Ох, черт, – сказала она. – Адриенн, извини, мне нужно срочно кое-что уладить, но, может, увидимся... знаешь...

– Конечно, – отозвалась она, и, похоже, Анна почувство-

вала облегчение – от возможности переключить внимание на ее «кое-что» или, может, просто от того, что ей не нужно было прямо соглашаться пойти на занятие вместе с Адриенн, которую она едва знала и в отношении которой, вероятно, только изображала симпатию.

В любом случае, на этом все закончилось. Она послала Анне воздушный поцелуй, а та в ответ пошевелила пальцами, оживленно помахав на прощание, и все, она не вызвала никаких подозрений. Следующая ее остановка была в центре города, и она преодолела поездку туда в каком-то тумане, одновременно напуганная и странно возбужденная неожиданной встречей. Она вообще не была к ней готова, все время ждала момента, когда Анна поймет, что что-то совсем, совсем не так. На полпути до пункта назначения ее охватила еще одна волна паники, и ей пришлось съехать на обочину, чтобы изучить свое отражение в зеркале заднего вида, потому что ее внезапно настигла ужасающая вероятность, что она что-то упустила и болтала с Анной-с-занятий-на-велотренажерах с брызгами чужой крови на лице.

Но конечно там ничего не было. И Анна ничего не заметила. Какой бы след ни оставили ужасы прошлой ночи, каким бы сильным ни было ощущение, что она проснулась утром совершенно другим человеком и что все мгновенно это поймут, теперь было ясно, что она все еще могла быть или по крайней мере казаться нормальной. Осознание вскружило ей голову.

Я могу это проверить.

Все, что она предпринимала с прошлой ночи, строилось на правдивости этого, но до того момента она не верила в это по-настоящему. Хотя некоторые люди поспешили бы отметить, что это не первый раз, когда Адриенн Ричардс избежала наказания за убийство, в самом буквальном смысле слова, но это другое. Адриенн была молодой, глупой и безрассудной, а смерть мужчины была несчастным случаем. Это совсем другое дело, в общем и целом, чем приставить ружье под чей-то подбородок и смотреть ей в глаза, спуская курок.

Было так много крови.

Она вздрогнула и яростно замотала головой, пытаясь уничтожить воспоминание или хотя бы отогнать его.

И все же другая мысль, которую невозможно игнорировать, все еще крутилась у нее в голове.

Я могу это проверить.

Был только один момент: это точно «я», не «мы». Теперь она видела все отчетливо, и это включало в себя неизбежный факт, что ее муж будет проблемой. Все случилось так быстро, не было времени обдумать очевидные недостатки выбора его в качестве поделщика, и не то чтобы у нее был выбор, он выбрал ее первым. Во всем этом бардаке виноват он, а она его расхлебывала. Не в первый раз. Хорошая женушка, взяла все в свои руки. Было время, когда она хотела исполнять эту роль, а потом, в конце концов, «хочу» больше никак не было с этим связано. В каждом браке есть свои потертости,

и это было нашей. А это – их. Так между ними все работало. Кровавые брызги все еще были теплыми и влажными на ее щеках, когда она повернулась к нему и сказала, что все будет в порядке, что она со всем разберется. И она говорила серьезно.

Но это, подумала она, в последний долбаный раз.

Женщина в «лабутенах» провела ее по коридору и сквозь еще одну дверь, и цоканье ее каблуков внезапно притихло; мраморный пол сменился блестящим паркетом, укрытым искусно сплетенным ковром мягких оттенков красного и охры. Маленькая золотая табличка у двери коротко гласила: «РИЧАРД ПОЛИТАНО», а затем, под именем: «ЧАСТНЫЕ КЛИЕНТЫ». Они пересекли внутреннюю приемную – пустую, если не считать ковер и несколько других изысканных, мягких предметов мебели, а затем вошли в еще одну дверь, где ее сопровождающая кашлянула и сказала: «Адриенн Ричардс», словно прислуга в романе Джейн Остин, объявляющая прибытие аристократки в гостиную. В комнате стоял гигантский стол красного дерева, за которым сидел маленький человек, вставший при звуке имени Адриенн.

– Миссис Ричардс, – сказал он, изображая такую же дежурную улыбку, как у встретившей ее женщины. Он протянул руку, ровно полдюйма рукава рубашки показалось из-под его идеально сидящего пиджака. – Так рад вас видеть. Прошло так много времени.

– Пожалуйста, зовите меня Адриенн, – ответила она, воз-

вращая ему улыбку. – И правда давно не встречались. Я пыталась вспомнить, когда в последний раз была здесь.

Позади нее что-то тихо щелкнуло, и она повернулась, отмечая, что тяжелая дверь, через которую она вошла, закрылась. Женщина вышла и оставила их наедине. Она внезапно поняла назначение огромного лобби, пустой комнаты в здании, где метраж стоил серьезных денег: это был символ, буфер стоимостью в сто тысяч долларов между вами, ЧАСТНЫМ КЛИЕНТОМ, и обычным бизнесом, проворачивающимся в другой части фирмы. Здесь вы были особенными. Здесь вы в безопасности.

– Адриенн, – сказал Ричард Политано. – И вы, конечно, зовите меня Риком. А насчет вашего прошлого визита, разве вы не были здесь вдвоем? Вы с Итаном? Только один раз, кажется. Это было довольно давно, во время того... кхм, неприятного инцидента.

– Верно, – кивнула она.

– Что ж, сегодня мы встретились при более благоприятных обстоятельствах. Присаживайтесь, – сказал он, обводя рукой пару кресел, уютно расположенных под углом к журнальному столику. – Могу я предложить вам кофе? Или бокал вина? Прошу прощения, что заставил вас ждать. Мне пришлось отодвинуть кое-какие дела, чтобы втиснуть встречу с вами, но, конечно, я всегда рад выделить время вам с Итаном. Как он поживает?

– Итан в порядке... – Она замолчала, сжав губы и ерзая на

сиденье, и удовлетворенно заметила, как Рик тоже едва заметно подвинулся, жадно подаваясь навстречу чему-то явно недосказанному. Она решила, что нет нужды ходить вокруг да около: – Как видите, Итана здесь нет.

Это утверждение должно было вызвать ответ, и она не разочаровалась: за долю секунды, которая ушла у Рика Политано, чтобы замаскировать свою реакцию, она увидела пронесшийся на его лице вихрь эмоций. Изумление, удивление, интерес, нетерпение. *Хорошо*, подумала она. А затем одарила его легкой лукавой улыбкой.

– Рик. Я буду говорить честно. Я же могу это сделать, не так ли? Вы всегда казались мне человеком, серьезно относящимся к конфиденциальности.

– Конечно, – сказал он, и в этот раз он не потрудился скрыть свою заинтересованность. Его тон не изменился, но улыбка трансформировалась; верхняя губа на миллиметр поднялась, и в одно мгновение выражение лица Рика Политано сменилось с дружелюбного и деловитого на откровенно коварное.

– Я спрашиваю, потому что мне нужен советчик. Кто-то, кому я могу довериться, – сказала я.

– Я не уверен, что понимаю вас, – ответил Ричард, немного склонив голову набок, отчего она предположила, что он прекрасно ее понимал.

Она подалась вперед, не прерывая зрительного контакта.

– Я не хочу быть одной из тех женщин, которых жизнь

застает врасплох. Из тех, кто позволяет своему мужу всем управлять, предполагая, что находится в безопасности и что о ней позаботятся, а потом, когда все полетит к чертям, обнаруживает, что у нее ничего нет.

– Понимаю, – кивнул Рик. – Есть что-то, что мне нужно знать? Одалживая вашу формулировку, Адриенн, все полетело к чертям?

– Нет, – сказала она. А затем: – Я не знаю. Еще нет. Может, этого и не случится. Но если что-то случится, если что-то такое возможно, я хочу подготовиться. Я хочу знать, в каком я положении. И после... неприятного инцидента мне кажется, что мне недостает этой информации. Итан мало мне рассказывает. Мне кажется... мне кажется, что я не владею ситуацией. И это ужасно.

У Рика Политано были густые черные брови под прикрывающими их густыми, седыми волосами, и когда она договорила, он недовольно их нахмурил.

– Меня это удивляет, – сказал он. – Мужчина, не посвящающий жену в дела, отгораживается от ценного союзника, особенно – если позволите сказать – особенно если она такая амбициозная и умная, как вы. Я всегда думал, что Итан это понимает, но... что ж, кто знает. Возможно, он не хотел вас беспокоить.

– Возможно, – сказала она. – Но вот она я, обеспокоенная.
– Ну, так не пойдет, – произнес Рик с улыбкой. – Позвольте вас заверить, мы обдумали каждый возможный вариант

развития событий и все просчитали. Планы исчерпывающие, но не сложные. Я с радостью все вам расскажу.

– Да, – сказала она. – Пожалуйста.

Глава 9

ЛИЗЗИ

Я еще столько всего вам не рассказала. О моей жизни с Дуэйном, жизни, которую мы построили вместе. О ребенке, таком маленьком и неподвижном, каким я мимолетно увидела его, прежде чем его забрали. О несчастном случае Дуэйна, о последовавшей зависимости. О том, как все с годами скисло и испортилось, как наше счастье гнило изнутри, пока буквально не провалилось с треском.

Но на это еще предостаточно времени.

Сейчас пора рассказать вам об Адриенн Ричардс.

Люди вроде Адриенн Ричардс нечасто появлялись в Коппер Фолз, а Коппер Фолз не был местом, привлекшим бы ее. Сам по себе городок был отвратительным, со всеми его развалюхами, заколоченными досками магазинами и пылящимися витринами на главной улице. В некоторых городах дальше на юг были милые ряды небольших магазинчиков для летних туристов и им хватало сезонной выручки, чтобы держаться на плаву; у нас был только один молочный магазин, которым управляла женщина с кислым лицом по имени Мэгги, чье правое предплечье вечно было больше левого из-за долгих лет размахивания ложкой для морожено-

го. Помимо «Стренглерс» – и да поможет Бог чужаку, который попытается ступить в эту дыру, – не было больше ничего, чем можно привлечь туристов, кроме самого озера, которое было красивым, но отдаленным. В пятнадцати милях от нашего не-милого городка, которые нужно было преодолеть по извилистым гравиевым дорогам, утомительным в идеальных условиях, но и опасным ночью, и все это – вне зоны покрытия ближайшей сотовой вышки, что пугало многих городских. Те, что все же приезжали, обычно хотели снять жилье на выходные, самое большее – неделю, и задавали они всегда один и тот же вопрос – есть ли здесь Wi-Fi. (Нет.) Поэтому я сначала решила, что сообщение от Адриенн это розыгрыш какого-то местного придурка, пытающегося немного поразвлечься. Она прямо комично изворачивалась, чтобы ясно дать понять, не говоря этого прямо, что они с Итаном Чертовски Важные Персоны. Она хотела забронировать дом на весь месяц («деньги – не проблема»), она хотела удостовериться, что озеро и дом действительно настолько изолированы, как казалось на спутниковых картах, и она хотела убедиться, что наш «персонал» (вот это меня насмешило) умел хранить конфиденциальность, потому что они с мужем очень серьезно относятся к своей личной жизни.

Позже я поняла, почему они выбрали Коппер Фолз и мой дом, когда все с таким количеством денег отдыхали в шикарных местах, в Хэмптонс или на Кейп-Код: им нужно было оказаться там, где остальных нет. Ей нужна была аноним-

ность Коппер Фолз, где никто не был достаточно утонченным или заинтересованным, чтобы знать о ее прошлом. Она хотела сбежать от своей репутации, пусть только на лето.

В этом мы были похожи. Думаю, поэтому, в конце концов, она тоже меня выбрала.

Большинство людей в Коппер Фолз Адриенн с Итаном раздражали, но не интересовали, для них они были просто очередной богатой парочкой чужаков, которым нельзя доверять, но чьи деньги они нехотя принимали, если только они не задерживались слишком долго. Подробности их жизни и размер их состояния не имели значения; когда бедность всегда была рядом, в доме соседа, если не в твоём собственном, разница между миллионером и миллиардером была абстрактной. Это как пытаться посчитать расстояние до Марса, сравнивая его с расстоянием до Юпитера. Что такое лишние сто световых лет, когда на деле значение имеет только то, что это недостижимо и ты никогда, мать его, туда не доберешься? Даже когда я поняла, что Ричардсы не были просто обычными представителями верхней прослойки среднего класса, у меня все равно в голове не укладывалось, каково иметь столько денег.

Но как к ним относился мир – это я понимала. Когда я поискала Адриенн в интернете, сразу после получения предоплаты за весь месяц проживания, мне внезапно стало ясно, почему ее так волновала «конфиденциальность». Они с мужем имели дурную славу.

Итан Ричардс был преступником. Из мягких, богатеньких плохих белых воротничков, которые уплывают на золотом парашюте и аккуратно приземляются на груды денег, пока компания, которую они обчистили, стораает дотла. К тому времени скандал уже утих, но подобные истории всегда звучат похоже. Мутные сделки, скрытые убытки, мужчины в офисах, занимающих весь угол этажа, балансирующие на тончайшей грани между «неэтичным» и «нелегальным», чтобы набить свои уже переполненные карманы, и переступающие через маленьких людей на пути к богатству. Когда все действительно полетело к чертям, сотни людей потеряли работу, и даже больше – потеряли все свои сбережения. Размах всего дела сложно было осознать, но последствия были достаточно простыми. Где-то чья-то бабушка всю пенсию будет питаться консервами в неотопливаемой квартире, потому что Итан Ричардс и его друзья провернули свою схему – и из всех участников именно Итан остался безнаказанным.

Той ночью я часами читала все новости о его аресте и последующем освобождении и все разъяренные статьи, опубликованные позже, о том, почему законы нужно менять, чтобы люди вроде Итана Ричардса платили за свои преступления в будущем. Ему так и не предъявили обвинение, но это почти не имело значения. Насколько было известно прессе и общественности, он был виновен по всем пунктам, а Адриенн осуждали заодно с ним. Смешно, чем это кончилось. Люди злились на него, но боже, ее они по-настоящему нена-

видели. Их можно понять: из нее получалась идеальная злодейка, восхитительное воплощение пустой привилегированности с ее маленькими проектами, тешащими ее самолюбие, ее спонсорскими публикациями в Инстаграме, ее абсолютно незаслуженной жизнью в роскоши. И еще ее черствость; она либо не понимала, либо ее не волновали разрушения, учиненные ее мужем, а некоторые статьи украдкой намекали, что она и сама была замешана во всем, словно модная леди Макбет с идеальным мелированием, подталкивающая своего мужа за закрытыми дверями. Позже, когда я узнала ее получше, я решила, что в этом они, наверное, ошибались. Адриенн просто не хватило бы амбиций и воображения, чтобы организовать бухгалтерский скандал на миллиард долларов. Но чем больше я читала той ночью, тем больше я невольно восхищалась Адриенн Ричардс. Корпоративная драма, новостные статьи, вероятность, что ее мужа обвинят в мошенничестве и отправят за решетку, оставив ее ни с чем, – многие женщины сошли бы с ума, но не Адриенн. Превыше всего это, похоже, нагоняло на нее скуку.

Я не могла, конечно, сказать ей ничего такого. Не стала бы. Я уже решила относиться к ним как к любым другим гостям, не считая предложения заезжать раз в неделю, чтобы немного прибраться и сменить постельное белье, и то только потому, что они оставались надолго. В день их прибытия я отдала связку запасных ключей, за пять минут рассказала обо всех местных достопримечательностях, особенностях

дома, и оставила их одних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.